

Артефакт
детектив

Идут века, меняется мир, но все так же
роняет слезы Мадонна Скорбящая
и пылает сердце на ладони Мадонны
Гневливой. Поражен красотой,
эти картины несут проклятье...

ЕКАТЕРИНА ЛЕСИНА

Проклятие двух Мадонн

ЭКСМО

Артефакт & Детектив

Екатерина Лесина

Проклятие двух Мадонн

«ЭКСМО»

2008

Лесина Е.

Проклятие двух Мадонн / Е. Лесина — «Эксмо»,
2008 — (Артефакт & Детектив)

Луиджи из Тосканы написал портреты дочерей барона де Сильверо – Беатричи и Катарины – в образе двух Мадонн. Картины сквозь время несли тайну, подсмотренную мастером, и легенду о двух Мадоннах, которым суждено уничтожить друг друга. В разные века сестер, владевших картинами, преследовало проклятие... Александра, случайно оказавшаяся впутанной в дела большого и недружного семейства Бехтериных, пыталась разобраться, что погубило Марту Бехтерину и свело с ума ее сестру Ольгу. Неужели все дело в темном роке, преследующем девушек, похожих на Мадонн Луиджи? Или просто кто-то использует легенду, чтобы заполучить огромное наследство?

© Лесина Е., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Александра	8
Игорь	11
Левушка	13
Год 1880-й	17
Александра	19
Игорь	21
Левушка	23
Год 1870-й. Начало истории...	24
Александра	25
Игорь	28
Левушка	29
Александра	35
Игорь	37
Левушка	39
Александра	43
Игорь	46
Левушка	49
Александра	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Екатерина Лесина

Проклятие двух Мадонн

Капли дождя сползали по стеклу, и мир снаружи казался еще более мутным, чем был на самом деле. Холодно и есть хочется, но денег нет. И вчера не было, и позавчера тоже, и завтра не будет. Фрау Марта неодобрительно косится, видать, подозревает неладное, того и гляди начнет спрашивать про обещанную плату или просто, безо всяких там вопросов, вышвырнет неугодного постояльца вон, а на следующий день приведет какого-нибудь наемника, что не до конца пропил награбленное серебро, или подмастерье, или монаха заезжеского. Людей полно, а жилья нет.

Хотя, может, и не выгонит. Фрау Марта, невзирая на грозный вид, в душе была по-христиански милосердна, однажды даже угостила его куском почти свежей кровяной колбасы, продать которую не имелось возможности – крысы попортили.

Да, крыс тут много, особенно на чердаке, хотя, казалось бы, чего крысам на чердаке делать, когда тут ни еды, ни тепла. Правда, и кошка у фрау Марты сюда не заглядывает – брезгует.

– Лу-у-джи! – раздался снизу зычный голос. – Лу-у-джи! Спускайся!

Ну вот, похоже, день сегодня еще более неудачный, чем он предполагал. Луиджи ни секунды не сомневался, зачем его зовут. Разумеется, чтобы выгнать, а потому спускался он по узкой темной лестнице не спеша – куда торопиться-то, на дождь?

– Лу-уджи, ну что ты еле-еле шевелишься, – укорила фрау Марта. – Я зову, зову, а ты все не идешь. И господин, поди, уже заждался.

Вышеозначенный господин находился тут же, и почтительность, с которой фрау Марта взирала на посетителя, говорила, что человек это не простой, может, конечно, и не из знати, но богат, ибо богатство фрау Марта ставила даже превыше знатности рода.

Внешность гостя навевала мысли об аскетизме, ибо подобное лицо более подходило святому отшельнику, нежели человеку знатному и не стесненному в средствах. Ввалившиеся щеки, пергаментно-желтая кожа, острый подбородок и недобрые глаза непонятного цвета. Однако же за свою короткую жизнь Луиджи имел возможность убедиться, что не всегда внешность человеческая соответствует качествам души, вполне возможно, что господин, явившийся в дом фрау Марты, по сути своей добр, набожен и милосерден.

Как и подобает святым отшельникам.

Улыбнувшись собственным мыслям, Луиджи поклонился.

– Добрый вечер.

– Имею ли честь лицезреть перед собой Луиджи Руджери из Тосканы? – Голос у господина был сух и неприветлив, под стать внешности.

– Да. Я и есть тот несчастный, который был вынужден покинуть солнечную родину только для того, чтобы...

– Тот ли ты Луиджи из Тосканы, о котором говорят, будто он алхимик, еретик и христопродавец, обменявший душу на мастерство?

Фрау Марта тихонько охнула, а Луиджи мысленно попрощался с каморкой на чердаке. Даже если его не арестуют по вышеозначенным обвинениям, то фрау Марта точно не захочет жить под одной крышей с еретиком. А господин смотрит выжидающе, и взгляд у него такой, что соврать ну никак не возможно.

– Люди говорят разное, – осторожно начал Луиджи. – И не всегда правду.

– Истинно так, – согласился посетитель. – Однако когда до меня дошел слух о некоем итальянском мастере, способном при помощи кистей и красок сотворить настоящее чудо...

к примеру, розу, которая, подобно живому цветку, распускается на рассвете, а при наступлении ночи лепестки осыпаются... но приходит рассвет, и роза цела.

Фрау Марта мечтательно закатила глаза, видать, поверила. Все верят, Луиджи уже устал доказывать, что подобное невозможно с точки зрения науки, ибо настоящее чудо едино в руках Божьих. Несомненно, его Дева с розой была хороша, однако не настолько хороша, чтобы приписывать невесте что.

– Или Дева Мария, что с наступлением Великого поста роняет слезы скорби о грешных душах... Говорят, что лик ее столь прекрасен, что всяк ее узревший разом очищается от грехов...

– Мадонна не плачет, а роза не осыпается, это всего лишь картины... изображения.

– Слухи? – Господин улыбается.

– Слухи.

– Но отчего тогда столь прославленный мастер вынужден влачить жалкое существование, недостойное его таланта?

А потому, хотел ответить Луиджи, что святая инквизиция очень интересуется слухами, особенно такими, в которых фигурируют чудеса и обвинения в демонопоклонстве, хотя Господь видит, что Луиджи, может, и не святой, но точно не еретик и не христопродавец. Он обычный человек, слабый, но какой уж есть. И хотя Луиджи не произнес ни слова вслух, но господин все понял и, небрежным жестом бросив на стойку увесистый кошелек, произнес:

– Имею честь предложить тебе работу. И защиту.

– От чего? – Луиджи не находил в себе сил отвести взгляд от кошелька, мысли в голове были самые разные. К примеру, что монет, даже если внутри обыкновенная медь, хватит не на один день, а если серебро, то и на год, если же монеты золотые... а почему бы и нет, поздний гость фрау Марты, судя по одежде, богат. Если же в кошельке золото, то Луиджи до конца дней своих не будет ни в чем нуждаться. В животе заурчало... конечно, первым делом он закажет фрау Марте гуся, толстого гуся, фаршированного кашей, чтобы золотистая корочка, круглые озера жира на блюде и в них островами печеные яблоки...

– От людей. От слухов. От властей либо от тех, кто привык считать себя властью... Я предлагаю тебе безбедную жизнь и свое покровительство, взамен же прошу о сущей бездельнице... хотелось бы, чтобы ты написал портрет... вернее, два портрета. Беатриче и Катарина.

– Кто это? – Луиджи совершенно успокоился, ибо разве он сам не думал о том, кому бы предложить свои услуги и свой талант? Так стоит ли теперь, когда удача сама идет в руки, отказываться? Он хоть десять портретов напишет, лишь бы...

– Мои дочери, – ответил незнакомец.

Полгода минуло с того дня, как Луиджи принял приглашение барона де Сильверо. И вот, наконец, работа была закончена. Две картины, две Мадонны, две Девы, в равной мере прекрасные и несхожие друг с другом.

Мадонна Печального сердца, Утешительница и Заступница, чьи вишневые глаза взирали на мир с удивлением и укоризной, а на губах застыла неуверенная, чуть виноватая улыбка, словно Она знала о чем-то важном, но не смела рассказать. У Нее золотые волосы и лицо юной Катарины.

Вторую Мадонну Луиджи почтительно именовал Гневливой или Черной, в Ней не было ни тени девичьей кротости, равно же печали или скорби. В карих глазах – гнев, а в руках – Пламенеющее сердце и Меч. У этой Девы волосы черны, а лик преисполнен торжественной холодной красоты, свойственной Беатриче.

– Даже и не знаю, которая из них лучше, – сказал барон, прижимая руку к сердцу. – Они обе равны и невозможны друг без друга. Вы же, мой друг, не просто мастер, но настоящий алхимик, ибо не способен человек обыкновенный заглянуть в душу... или нарисовать душу.

Луиджи молчал, ему было страшно, ибо чудилось, что и в самом деле удалось вытащить на свет божий нечто такое... невозможное. И неприглядное. А герцог не видит, от любящего отцовского взгляда ускользает то, что видно Луиджи. А может, ему всего-навсего мерещится незримая печать греха на золоте волос, похоть в кротости взгляда и боль в пламенеющем сердце?

И горечь в кубке с вином. Едкая, назойливая, расплзающаяся по телу горечь. Яд. Вино принесла Катарина, кубок – Беатриче. Белая Мадонна... Черная Мадонна... кто из них?

Тело, пронзенное болью, немеет.

– Б-будьте вы п-прокляты... Обе...

Александра

Ольгушку я встретила в санатории. Вообще-то это не совсем санаторий, а скорее дурдом, но дурдом комфортный. У меня он ассоциируется с зефиром, такой же воздушно-розовый, приторный и липкий. Розовые стены, розовая униформа персонала, приторные улыбки докторов и липкое, навязчивое внимание. Больше всего угнетало именно внимание.

...Сашенька, а не выйти ли вам в сад, посмотрите, какая замечательная погода...

...Сашенька, вы плохо кушаете...

...Сашенька, если вы будете и дальше игнорировать рекомендации Всеволода Петровича, то никогда не поправитесь...

Вернее, не так, здесь избегали слов «болезнь» и «поправиться», потому что считалось, что те, кому по карману «Синяя птица», совсем не больны, а... просто отдыхают. В санатории.

– О чем ты думаешь? – спросила Ольгушка. Вот уж кого пребывание в «Синей птице» совершенно не раздражало, Ольгушка была на редкость милым существом, добрая, покладистая, болезненно-впечатлительная. Ей даже медсестры улыбались не потому, что им платили за улыбки и вежливость, а потому, что любили.

Это она себя так называла. В первый же день в столовой она сама подошла ко мне и сказала:

– Здравствуй. Ты новенькая, да? А меня зовут Ольгушка.

И мы подружились.

– Ты снова молчишь, – Ольгушка вздохнула. – Ты все время молчишь и думаешь, думаешь и молчишь. Это плохо.

– Почему?

– Потому что в тишине появляются странные мысли. Я боюсь тишины, она стирает меня.

– Как стирает?

– Как ластиком. Или краски водой. Дождь идет, краски бледнеют, бледнеют, а потом совсем исчезают. И тишина меня исчезает.

– Глупости.

– Возможно. Я всегда говорю глупости. Я ведь сумасшедшая. – Она произносит это со всей возможной серьезностью.

На улице весна и воздух пахнет цветами... начало мая, солнце гладит кожу, и мне почти хорошо.

– Так о чем ты думаешь? – повторила вопрос Ольгушка. – У тебя счастливое лицо.

Ни за что бы не подумала. Счастливое лицо... хотя мама говорила, что я – прирожденная актриса.

Дура я, а не актриса. Обыкновенная дура, потому и сижу в этом, с позволения сказать, санатории, усиленно делая вид, что мне здесь нравится.

...Сашенка, не надо быть такой букой...

...Сашенька, почаще улыбайтесь, вам так идет улыбка...

А мне вообще все идет, даже эта долбаная розовая пижама. Вот Ольгушка в больничном наряде выглядит совершенно невозможно, кожа кажется болезненно-бледной, изуродованной на висках синими сосудами, глаза припухшие, то ли от слез, то ли от долгого сна, а длинные волосы собраны в унылый пегий хвост.

– Доктор сказал, что ты скоро уедешь... – Она снова вздохнула. – И я тоже... я не хочу уезжать, но мама настаивает.

– Если не хочешь, то не уезжай.

Ольгушка грустно улыбается, и я понимаю, что она никогда в жизни не осмелится развить матери.

– Я бы хотела быть такой же сильной, как ты. Не бояться. Знаешь, я ведь тоже пыталась... умереть, как ты, но струсил. Я всего боюсь, тишины, темноты и его тоже.

– Кого?

– Того, – Ольгушка переходит на шепот, – кто убьет меня. Ты можешь не верить, никто не верит. Я ведь сумасшедшая... тихая, но все равно сумасшедшая, а значит, ничего не понимаю. А я понимаю. Я прячусь, как умею, а он ждет.

– Чего? – Я тоже шепчу.

– Моего возвращения.

– Зачем?

– Чтобы убить. – Ольгушка произнесла эти слова тихо, настолько тихо, что я скорее догадалась, чем услышала их. – Стереть отражение... одна роза, один меч, одно сердце... и рыцарь тоже один. Рыцарь хочет стать королем и убьет принцессу...

Вечером я рассказала об этом разговоре Всеволоду Петровичу, не потому, что полагала, будто Ольгушка окончательно сошла с ума, а скорее наоборот – услышанное внушило мне беспокойство за жизнь нечаянной подруги. Пусть ее считают ненормальной, но и меня саму настолько часто клеймили этим словом, что я привычно отмахнулась от него. Ненормальная... в этом мире вообще не осталось нормальных людей.

Всеволод Петрович придерживался аналогичного мнения.

– Все это очень, очень интересно, Сашенька. И очень, очень хорошо, что вы решились рассказать мне. Очень, очень хорошо, что вы осознаете всю степень ответственности...

– Вы ведь оставите ее здесь?

– Безусловно, – пробормотал Всеволод Петрович, вытирая круглые стеклышки очков специальной мягкой тряпочкой. – Безусловно мне бы хотелось, чтобы Ольгушка осталась, тем более, что произошедшее наглядно демонстрирует, что в «Синей птице» она чувствует себя намного лучше, нежели в реальном мире... ее тонкая ранимая натура остро переживает мельчайшие неудобства, трансформируя переживания в образы... весьма, весьма любопытные образы. Защитник, рыцарь, доблесть, надежность и вместе с тем...

– Так вы оставите ее или нет?

– К сожалению, Сашенька, у нас коммерческое заведение, и мы не имеем возможности задерживать гостей, если их родственники не желают... оставлять их здесь.

– Вернее, платить по счетам.

Всеволод Петрович лишь развел руками. Ну а чего, собственно говоря, я ждала?

– Вообще-то полагаю, что причин для беспокойства нет, – мягко заметил Всеволод Петрович. – Это всего лишь образы, пусть даже весьма интересные... сами подумайте, кому нужно убивать Ольгушку, она такая милая, нежная, впечатлительная... чересчур уж впечатлительная.

– То есть ей показалось?

– Вполне вероятно, что некий мужчина, родственник, друг семьи... я не знаю, и это не суть важно... попытался уделить Ольгушке внимание. Это вполне нормально, она привлекательная молодая женщина, но, к несчастью, склонна несколько неадекватно оценивать происходящее вокруг нее.

– Хотите сказать, что ухаживание этого гипотетического мужчины она приняла за желание убить?

– Ее ухажер мог оказаться... чересчур энергичным для Ольгушки. Порывистым или, не знаю, ревнивым. Вы ведь знаете, на что способны мужчины в припадке ревности? А теперь представьте, как отреагирует Ольгушка в подобной ситуации?

Что ж, теория Всеволода Петровича была стройной и логичной, а главное, вполне увязывалась с Ольгушкиным характером.

– И единственное, что могу посоветовать – забыть об этом разговоре, вот увидите, Сашенька, завтра она и сама не вспомнит... чужие фантазии – престраннейшая вещь.

Ночью я долго не могла заснуть, думая о том, стоит ли верить, а если стоит, то кому: Ольгушке или доктору?

Игорь

Тетин дом напоминал дешевую шкатулку, из тех, что продают на развалах: снаружи лак, блеск и яркая цыганская роскошь, а внутри – голые, чуть приглаженные шкуркой доски. На самом деле и внутри, и снаружи все выглядело одинаково прилично, но всякий раз, приезжая в поместье, Игорь не мог отделаться от навязчивого шкатулочного образа.

Тетушка, изображая радость встречи с любимым племянником, соизволила спуститься в гараж, и это свидетельствовало о том, что обстановка в доме была накаленной. В противном случае она в жизни бы не сунулась в это «мерзкое, грязное, вонючее место».

– Милый, как я рада тебя видеть. – Берта улыбалась. – Совсем забыл старушку.

Ну это она на комплимент напрашивается. Сегодня, как и всегда, при параде: огненно-рыжие кудри уложены в замысловатую прическу, морщинки тщательно припудрены, жирные черные стрелки придают глазам восточный разрез, а на тощеньком запястье позвякивают браслеты.

– Ну и как, надолго?

– Похоже, надолго. – Игорь, наклонившись, поцеловал белую, пахнущую ванилью и духами щеку. – Здравствуй, Берта. Сама ведь знаешь про обстоятельства...

– Ах да, конечно, обстоятельства... всю жизнь только это и слышу. Если бы не обстоятельства, ты бы в жизни не приехал навестить старую, больную тетку, позволяя той задыхаться в этом гадюшнике...

Про гадюшник она вовремя вспомнила.

– Все уже здесь?

– Ну все – не все, но большая половина. О чем только думал твой дядя, составляя завещание... я абсолютно уверена, что он это специально сделал, чтобы отравить мне существование. Твой дядя, Игорь, был поразительным эгоистом.

Присказку про дядину эгоистичность Игорь слышал не единожды и потому лишь кивнул, впрочем, тетушке хватило и кивка:

– Нет, ну я понимаю, что если частная собственность, то частная собственность, а какая же это частная собственность, когда я не имею права распорядиться ею по своему усмотрению? Я ему так и говорила, а он мне что? «Берта, они мои родственники, и я не могу отказать им от дома...» Он, видите ли, не мог, так теперь и я не могу.

– Жарко сегодня.

– Твоя правда, дорогой, не припомню, чтобы в мае такая жара стояла. Это утомляет почти так же, как нытье родственников. А все Дед, Бехтерины... фамилия... родовое гнездо... будь хорошим мальчиком, подай тетушке руку... я всегда знала, что Сабина совершенно не умела воспитывать детей... ты был таким хорошим мальчиком, таким вежливым, а теперь будто подменили...

Берта продолжала говорить, говорить, говорить. Игорь уже не слушал тетушку, не забывая, однако, соглашаться.

На первом этаже царила тишина, пустота и запах корицы – видать, Любаша опять затеяла пироги. Тетушка тут же воспользовалась случаем, чтобы пожаловаться.

– Пироги по воскресеньям. Боже, какое мешанство! Хорошо, хоть не с капустой, я бы умерла, если бы мой дом, любимый дом, в котором я была так счастлива, провонял капустой.

При мысли о пирогах с капустой желудок заурчал, напоминая, что завтрак остался в далеком прошлом, обед был пропущен, а до ужина еще жить и жить.

– Ох, милый, ты, наверное, утомился с дороги и проголодался. Если хочешь, сходи на кухню, пироги еще остались. Все, дорогой, иди, иди, отдыхай... только к ужину, чур, не опаздывать.

На кухне при пирогах обреталась Любаша, впрочем, она всегда предпочитала держаться поближе к пищеблоку, но при всем этом умудрялась выглядеть так, будто вот-вот умрет от истощения. Любаша мечтала стать манекенщицей, ненавидела слово «кобыла», свое имя и сестер, а также розовый цвет.

– Приперся-таки, – пробурчала она вместо приветствия. – Чай будешь? С пирогами?

– Буду.

– Чего старая карга хотела? – Бухнув чайник на плиту, Любаша достала из холодильника салат и холодные котлеты. – Высматривала тебя с самого утра.

– Пожаловаться.

– Господи, сколько она может жаловаться? Вот всю жизнь только и слышу, как тетю Берту что-то не устраивает...

Еда была вкусной уже потому, что хотелось есть.

– Тут это... – Любаша смутилась, что случилось с ней весьма и весьма редко. – Ольгу забирают.

– Сюда? – Котлета холодным комком застряла в горле.

– Ну конечно, сюда, куда же еще. Я им говорила, что идея дурацкая, но ты же знаешь...

– И кто же это придумал? – Не то чтобы приезд Ольги был такой уж неожиданностью – в доме периодически заговаривали об этом, – просто Игорю совершенно не хотелось с ней встречаться. – Васька, да? Ну конечно Васькина, он же у нас христианин, мать его... милосердный и добрый.

– Ой, Гарик, да ладно тебе, перетерпишь как-нибудь.

Любаша достала кружки, не глядя, сыпанула растворимого кофе и плеснула кипятку. Игорь благоразумно не стал напоминать, что предпочитает чай. Когда Любаша на взводе, ей лучше не перечить, а предполагаемый приезд Ольги взволновал сестру едва ли не больше, чем самого Игоря.

Впрочем, с чего ему волноваться? Да он в любой момент может собраться и свалить в город. Мать, конечно, расстроится, и тетка будет недовольна, да и Дед тоже...

– Но только не говори, что ты сбежишь.

– Любаш...

– И не ной. Ты встретишься с Ольгой и выяснишь все раз и навсегда. Я вообще не понимаю, как можно столько лет жить в подвешенном состоянии?

– Люб...

– Что «Люб»? Вот еще скажи, что я не права!

– Права, права, – поспешил успокоить ее Игорь. – Ты у нас всегда права. Только чего тогда нервничаешь?

– Кто? Я? – ненатурально удивилась Любаша. – Я вовсе не нервничаю... просто... личные неприятности. Лучше вон пирожок возьми.

От пирожка Игорь не отказался; если в этой жизни и осталось что-либо хорошее, то это – Любашины пирожки.

Левушка

Участковый уполномоченный милиции Лев Сергеевич Грозный страдал от безделья. В отведенном ему кабинете было пыльно, грязно и тоскливо. Выцветшие обои, зеркало – кому оно тут нужно, спрашивается, – длинные хвосты «противомушиной» липкой ленты, темный стол с потрескавшейся полировкой и серые папки с матерчатыми завязками, на которых нагло развалился толстый серый кот по кличке Лорд Байрон.

До конца «приемного» дня – каждый вторник с девяти тридцати до семнадцати ноль-ноль, с часу до двух перерыв на обед – оставалось еще четыре часа.

Скуотища.

Разве ж об этом он мечтал когда-то?

Мечтал Левушка о подвигах, громких преступлениях и славе великого сыщика, а вместо этого сидел да в окно пялился, в глубине душе завидуя Лорду Байрону, у которого не было ни начальства, ни приемных часов, ни должностных обязанностей, зато имелось право на миску с молоком и наглость, чтобы получить все остальное.

Нет, сегодня определенно не работалось, ну никак, в голове каша, в теле лень... Левушка даже совсем было решил уйти домой – конечно, нельзя, но ведь если сильно хочется, то можно, – но, заметив в окно бабу Соню, мысленно поставил на отдыхе жирный крест. Сейчас снова начнет про самогон, про соседских коз, которые палисадник потоптали, про то, что Васька-тракторист жену поколачивает, а Виктория-разведенка мужиков обольщает и потому точно ведьма.

– Лев Сергеич, Лев Сергеич... – баба Соня остановилась на пороге, переводя дыхание. Была она полна, круглолица и на вид совершенно здорова, хотя частенько любила сетовать на плохое самочувствие, сердце, почки, печень ну и далее по списку. При этом держала двух коров, пяток свиней, домашней птицы без счета и мужа-алкоголика, правда, тихого.

– Лев Сергеич... – Баба Соня сложила руки на мощной груди и, всхлипнув, пожаловалась. – Тама... это... мертвяк.

– Мертвяк? – Левушке показалось, что он ослышался.

– Как есть мертвяк... черный весь ужо, страшный, а волосья длиннющие.

– У кого?

– У мертвяка. По всему выходит, что баба это, хотя по размеру как дите малое, лежит, свернувшись калачиком...

И тут до Левушки дошло. На всякий случай он скоренько прокрутил разговор в голове и даже переспросил:

– Значит, вы, Софья Аркадьевна, обнаружили тело?

– Ага. Только не я, а Федька мой... приходит и говорит, пошли, Сонька, я тебе чегой-то покажу, ну я, дура, и пошла...

– Куда?

– Та на болотце наше, до него, ежели от дома напрямки, то совсем близехонько, я ж туда постоянно хожу, ну и Федьку отправила...

Громкий вьедливый голос бабы Сони заполнил комнатушку, Левушка понял, что еще немного, и у него разболится голова. Хотя какая, к чертям, голова, когда труп обнаружили? И решительно поднявшись – баба Соня как раз перешла к описанию бедственного положения сарая, который непременно следовало законопатить мхом, который Федька должен был нарвать на болоте, – приказал:

– Ведите.

– Куда?

– К телу. Показывайте.

– А я ему говорю, Федька, ну куда ж тебя бесы в самое болото затащили, когда мох по краям растет? А он мне – сумку на дереве увидел, любопытно стало, чегой там вовнутри, а я вам скажу, что все беды от любопытства. – Баба Соня пыталась смотреть одновременно и на Левушку, и на супруга, который уже успел опохмелиться и потому отнесся к находке с философским безразличием, и на сам труп.

– Ох и страх-то какой... теперь ночью не засну... а и сердце разболелось...

Федька только хмыкнул. А Левушка, присев у страшной находки, рассматривал первый в своей жизни криминальный труп. Волосы и вправду длинные, темные, то ли от времени и воды болотной, то ли по природе таковыми были, кожа коричнево-желтая, вроде пергаментной бумаги, в которую нынче модно подарки заворачивать, а зубы почти черные.

– Ишь, скалится... – баба Соня перекрестилась и на всякий случай придвинулась поближе к супругу. – Ведьма, из городских, из этих, что на кладбище дом построили. От них все беды... а я как чужая, ворону снила нынче, а после обеда куры подрались и собака в сторону леса выла...

– Цыц, баба. Не мешай человеку работать.

Диво, но Софья Аркадьевна послушно замолчала, а Федор, взбодренный такой неожиданной победой, важно обратился к Левушке:

– Сумку ейную я так и не достал, тама вон висит, да, в той стороне, тока чуток правее, у кривой березки. Подойти близко не подойдешь, окно тама, затянет, но если аккуратненько веткой какой подцепить... Сонька, ты иди, иди, нечего тебе на страсти всякия смотреть.

Баба Соня нахмурилась: с одной стороны, ей не терпелось поделиться новостью с подругами, с другой – до жути хотелось поучаствовать в дальнейших событиях. Левушка решил чуть-чуть подтолкнуть ее в нужном направлении.

– Да, Софья Аркадьевна, у меня к вам огромнейшая просьба будет, позвоните вот по этому телефону, пусть приедут. Скажите, что убийство у нас.

– Убийство?! – ахнула баба Соня. – Это ж как убийство? Это что ж, не сама она утопла?

– От дура! Не видишь, что ли, руки веревкою связаны. – Федор сплюнул под ноги. – Иди давай, делай, что товарищ милиционер говорит.

– Убийство... Матерь Божья, заступница небесная... это что ж творится-то... что творится...

Ждать пришлось довольно долго, и Левушка успел изрядно промерзнуть – хоть и начало мая уже, но здесь, в низине, в темном ельнике весны пока не ощущалось. Клочковатый, пропитавшийся талыми водами мох крепко держал холод, а новые ботинки – модные и в меру дорогие – были не той обувью, в которой можно было ходить по мокрому лесу. Федору-то хорошо, он в кирзачах и ватнике, стоит себе, опершись на чахлую березину, и смолит папиросы одна за одной.

И не противно ему?

Самому Левушке тоже не было противно, ну разве что самую малость.

– Молодая совсем, – буркнул Федор.

– Молодая. Знаешь ее?

– Неа, из этих, видать, из городских, вона каблучищи какие.

Левушка поспешил согласиться, кляня себя за невнимательность – это ему следовало обратить внимание на обувь девушки, вернее на то, что от этой обуви осталось. Босоножки, наверное когда-то белые, дорогие, теперь выглядели жутковато. Длинные – или правильно говорить высокие? Левушка не очень хорошо разбирался в женской обуви – шпильки угрожающе торчали из бело-розового мха, а из открытого мыска выглядывали побуревшие пальчики.

А на ногтях у нее красный лак...

Левушка ощутил, как к горлу подкатывает комок тошноты.

– Ты б пошел, воздухом подышал, что ли? – предложил Федор, прикуривая очередную сигарету. От вонючего дыма разом прояснилось в голове. – Что, раньше таких не видал?

– Нет.

– А я видал. Эта еще ничего, нормальная... тут раньше болота были, а в пятидесятых осушать стали, вот тогда, я тебе скажу, повидал такого, что до сих пор снится. Мелиорация, техника, вперед, к светлому будущему... а когда твой экскаватор из канавы вместе с грязью подымает труп, или два, или три... и у соседа твоего то же самое, и у его соседа. Мертвое болото, слышал? Хотя навряд ли, молодой больно. – Федор выдохнул сизое облако сигаретного дыма и закашлялся, а откашлявшись, продолжил: – Тормознешь машину, стянешь тело в сторону, противно, конечно, но и останавливаться нельзя, дело-то превыше всего. А чтоб не так противно – самогоночки. Без литру на работу не выходили. Ох, я скажу, и время было... целое кладбище вскрыли, там тебе и фашисты, которые до наших мест добрались, и другие, которые вроде и не фашисты, но и не наши уже – враги народа. Местные-то, когда трупы пошли, начали перешептываться, дескать, ничего хорошего из мелиорации не выйдет, потому как земля проклятая. А дед один, бедовый был, ни бога, ни Сталина не боялся, так рассказал, что перед войной самой сюда частенько машины приходили. Станут на опушечке, оцепление, как положено, с собаками и автоматами, выставят... хотя и без оцепления в эти дни на болота никто не совался, все ж понимали, чего это за машины. И я понял, когда первого вытащил... они ж в воде почти и не меняются, так, почернеют, а выражение лица-то остается. Мне все казалось, будто они глядят... выискивают, на ком злость сорвать, кому отомстить... вот не поверишь, я сначала полотенце на лицо накидывал – специально возил с собою, – а уже потом вытаскивал, и так, чтоб мордой вниз, чтоб не увидели. А они все равно видели, даже через полотенце, по ночам приходили, спрашивали, за что их. И чего мне ответить было?

От рассказа Федора стало по-настоящему жутко, Левушка и представить не мог, что в жизни случается такое. Нет, он, конечно, слышал и про репрессии, и про массовые расстрелы врагов народа, и про лагеря, но... все это было таким далеким, облаченным в черно-белые кадры хроники, пережеванные и переваренные многочисленными передачами «об ужасных тридцатых», приправленным «сенсационными» открытиями и оттого совершенно нестрашным.

И тут оказывается, что прямо на этом самом месте, где Левушка стоит и мерзнет, когда-то расстреливали людей. Ну или не на этом самом, может, чуть правее или левее, вон под той березой.

А Федор молчит, и Левушка, не выдержав молчания, задает вопрос.

– И что с ними делали?

– С кем?

– С телами. Ну, которые выкапывали.

– Не знаю. Наше дело маленькое – доложить, а там уже другие занимались. Нам же лекцию прочитали про то, что партия лучше знает, каким путем и куда двигаться. Да ты не бери в голову, Сергеич, твоя-то к тем делам отношения не имеет, свежая больно. Видать, по осени ее тут притопили, ну или под конец лета... осенью другую обувь выбрала бы. Точно, летом... дождей-то много было, топко, ну и решили, что с концами, а теперь подсыхать стало, так она и поднялась.

С тем, что стало подсыхать, Левушка не согласился – какой подсыхать, когда чуть шагни в мох и воды сразу по щиколотку.

Глянув на часы – уже почти полтора часа прошло, – Левушка подумал, что стоять здесь не только вредно для здоровья, но и глупо. А вдруг эти, из района, еще через часа два приедут? Или вообще завтра? У них там вечно проблемы то с бензином, то с людьми, то еще с чем-нибудь жизненно необходимым. Но не бросать же тело, а трогать его Левушка права не имеет,

равно как и уходить с места происшествия – баба Соня небось моментом про труп растрепала, стоит уйти, так сюда целая толпа любопытствующих потянется, все что можно позатопчут.

Но холодно же...

Год 1880-й

Он лежал на кровати, вытянувшись, раскинув руки, задрал голову, бледное горло с легкой синевой свежесбритой щетины, острый кадык и непристойно длинные для мужчины ресницы. И кровь, много крови, слишком много, настоящее багряное море...

Море безумия.

Вдова тут же, бледна, но держит себя в руках, в обморок падать не собирается, хотя при таком-то зрелище... даже врачу не по себе, и сам Амелин борется с дурнотой.

– За что она его? – Голос у вдовы тихий, взгляд растерянный, а кружевной платок в руках дрожит. Вывести бы из комнаты... – Анастаси безумна, но... безвредна.

Безвредна. Амелин вздохнул и, вытащив платок – самый обыкновенный, хлопковый, – вытер пот со лба. Ну хоть убей, не понимал он подобного отношения... коли безумец, так держать надобно отдельно, желательно, чтоб взаперти, под присмотром, а то «безвредна»... вона здорового мужика зарезала, весь живот распорол да и сердце вырезала.

Глянув на темный комок плоти, лежащий рядом с кроватью, Амелин судорожно сглотнул, ну не укладывалось подобное в его голове.

– Она... она сестра мне, – вдова точно оправдывалась, имя у нее доброе – Елизавета, и сама собой пригожа, не старая, в самом цвете, и такая беда... Жалко бабу.

– Она добрая была, рисовала... хотела, как на картине... чтоб Мадонной. Отец из Пруссии картины привез... отец умер. И маменька тоже... не смогла одна жить, в одночасье сгорела... теперь и Дмитрий.

Все ж таки вдова не выдержала, разрыдалась, и Амелину пришлось долго и неуклюже утешать.

– Мы с детства вместе были... как отражения... а потом она заболела и стала такой. Но доброй, понимаете?

У доброй безумицы вишнево-черные глаза, бледная кожа, темные волосы... вид мирный, даже умиротворенный, вот только платье в крови, и руки, и на подбородке красное пятнышко.

– Я хотела, чтоб как она быть, – женищина улыбалась, и эта легкая, светлая, лишенная тени разума улыбка совершенно не вязалась с вырезанным сердцем.

– Она – это... – вдова снова всхлинула. – Пойдемте, я лучше покажу...

В гостиной сумрачно, за окнами сиреневым светом догорает день... а еще назад ехать, и с сумасшедшей этой решать чего-то... и с телом. Порой Амелин начинал тихо ненавидеть свою работу, что доставляла большие неудобств, нежели выгоды.

– Вот они, – вдова дрожащей рукой зажигала свечи. – Мадонна Скорбящая и Мадонна Гневливая.

Амелин принял из хрупкой руки Елизаветы тяжелый канделябр, поднес поближе к картинам и едва не выронил от неожиданности: печально и строго с холста на него взирала давешняя безумица, протягивая людям то ли обьятое огнем, то ли исходящее кровью сердце.

– Анастаси всегда была немного странной, – вдовица подошла к портрету, на который глядела со странным выражением почтения и ненависти. – Но чтобы убить... Скажите, как мне быть? Ее ведь не осудят, правда? Она не ведала, что творит... хотела быть похожей... отражение... вечная борьба зеркал за право быть собой...

Амелин тихо вздохнул, отступая, не то чтобы он боялся Елизаветы, но... сумасшествие заразно, а эти странные речи...

– Вы ведь увезете ее? Умоляю... у меня дети, я боюсь одна оставаться! Я заплачу, сколько скажете, столько заплачу, только заберите! Подыщите клинику, врача... я не знаю, лишь бы не видеть!

Закрыв лицо руками, вдова зарыдала, Амелин же тихонько вышел из комнаты. На дворе уже ночь, и уезжать пора. Клинику он подыщет... но все же таки до чего беспечны люди, вот он в жизни не стал бы держать в доме ненормальную.

Александра

К завтраку Ольгушка не вышла, чему я, честно говоря, обрадовалась, все-таки решение откреститься от разговора отдавало трусостью и эгоизмом.

Ну да, я – закоренелая эгоистка, меня с детства в этом упрекали. А после обеда появился Папик, и стало не до Ольгушкиных проблем – свои появились.

– Ты чудесно выглядишь, – соврал Папик, но целовать не стал. – Это тебе.

Букет был красивым и дорогим, в рамках установленных правил, и я, в рамках тех же правил, восхитилась и поблагодарила за внимание. Господи, до чего же тошно...

– Как ты себя чувствуешь?

– Замечательно.

– Я рад... очень рад. Ты ведь больше не будешь делать глупостей?

– Не буду.

– Замечательно. Всеволод Петрович говорит, что ты можешь уехать в любую минуту, но я оплатил до конца недели.

– Спасибо.

Папик кивнул, признавая, что он и в самом деле такой, заботливый и внимательный, не только за психушку платит, но и навещает меня. Цветы вон привозит... хотя на Папика грех жаловаться, по сравнению с некоторыми мой – настоящий ангел. Этаким сорокасемилетний херувим с блестящей лысинкой, одышкой, ревматизмом и простатитом, который, однако, совершенно не мешает папику тратить бешеные деньги на мое содержание. И дело не в безумной любви или кризисе среднего возраста, дело в престиже. Человек его достатка и положения просто обязан иметь любовницу, молодую, красивую, с высшим образованием... требований много. К примеру, я знаю несколько языков, неплохо играю на фортепьяно, разбираюсь в немецкой философии и русской литературе Серебряного века... это как медали у породистой собаки – чем больше, тем лучше.

– Сашенька, зайка моя... солнышко... понимаешь...

Ну вот, все-таки это произошло. Я, конечно, предполагала, но, когда Папик заплатил за «Птицу», понадеялась, что...

– Ты только не нервничай... тебе вредно нервничать...

– Сереж, я не нервничаю и не собираюсь устраивать истерику. И глупостей не наделаю, честное пионерское. Только давай откровенно. Ты нашел новую девушку?

– Н-ну... да.

– Хоть ничего?

– Хочешь, познакомлю?

Предложение было вполне в духе Папика, добрая душа, считающая, что все вокруг должны жить в мире и дружбе. Непонятно, как с такой установкой он деньги зарабатывал, хотя по молчаливой договоренности вопросов бизнеса я не касалась, а Папик в ответ не лез в душу.

– Да нет, спасибо. И когда мне переезжать?

Наверное, следовало бы закатить истерику, напомнить о годах, прожитых в любви и согласии, о собственном бедственном положении, о данном когда-то обещании заботиться... женщина всегда найдет, о чем напомнить. Но, во-первых, это было бы нечестно по отношению к Папику, а во-вторых, ну не умела я давить на жалость.

– Сашенька, – Папик прижал ладошки к сердцу. – Я знал, что ты меня поймешь, ты всегда была очень рациональной особой... порой даже чересчур. Что касается переезда, то как мы с тобой и договаривались, я приобрел квартиру, две комнаты, приличная площадь, тихий район, недалеко от центра. Тебе понравится.

Конечно, понравится, выбирать-то не из чего, хотя нужно сказать спасибо, договаривались-то мы на однокомнатную.

– Основной ремонт сделан, об отделке сама договоришься, все уплачено, если будет мало – позвонишь, добавлю.

– А не боишься, что я за твой счет золотым унитазом захочу обзавестись?

– Ты? Нет, Сашенька, только не ты, воспитание не позволит.

– Воспитание... ну, понятно. – Разговор меня тяготил, и не столько фактом разрыва отношений, сколько тем, что я не знала, как поступить дальше. Снова кого-то искать? Приспосабливаться к жизни с совершенно посторонним человеком? К Папику я за годы нашего знакомства привыкла и уже считала его чем-то постоянным...

– Может, на фирму пойдешь? Ну, к примеру, секретаршей или менеджером каким... ты умная, справишься.

– Спасибо.

– Спасибо «да» или спасибо «нет»? – уточнил Папик, во всем, что касалось работы, он был конкретен и въедлив.

– Наверное, пока нет. – Работать в его фирме, где каждая собака знает, что я была его любовницей... нервы у меня не настолько крепкие. Да и самоуважение не позволяет принимать подобную помощь. Насчет квартиры – договаривались, а вот насчет работы... я уж как-нибудь сама. Папик понимает отказ по-своему и огорченно качает головой:

– Все-таки обижаешься. Ладно, я пойду, дела, сама понимаешь. Если вдруг чего – с работой там помочь или что другое – звони, не стесняйся. Да и просто так звони, поболтать.

– Обязательно... как-нибудь потом.

В другой жизни – это я не произношу вслух, иначе Сергей окончательно разобидится, а он ни в чем не виноват. Он вообще хороший человек.

А я? Не знаю.

Мать считает меня равнодушной, аморальной и жадной до денег, сестра – обыкновенной стервой, муж сестры – стервой богатой, с которой не грех стясти пару сотен на родственные нужды. Иногда я тихо радуюсь, что отец умер, иначе назвал бы распутную дочь куда более емким словом, тем самым, которое мне однажды на капоте нацарапали.

Шлюха.

А я не шлюха, я – содержанка. Какая разница? Для меня огромная, для моих родных – никакой.

Цветы, освобожденные из целлофанового плена, ничем не пахли, и из-за этого букет выглядел ненастоящим, почти как вся моя жизнь: со стороны красиво и даже завидно, а на самом деле тошно.

Тошно было с самого начала, и с каждым годом отвращение накапливалось, накапливалось, будто пушистые клочки пыли под диваном, а однажды пыли стало слишком много, я вдруг поняла, что не могу дышать от ее избытка, и сделала глупость.

Что может быть глупее неудачной попытки самоубийства? Уходить из мира следует в порядке очереди.

– Александра, опаздываете на обед, сегодня замечательные оладьи с земляничным вареньем... – Медсестра, заглянувшая в палату, улыбалась так искренне, что мне стало совсем нехорошо. – Ой, вы что, плачете?

Кто, я? Только сейчас, после вопроса, замечаю, что я действительно плачу. Сажу в белозарной зефирной палате и реву, как дура.

Дура и есть.

Игорь

Игорь, понимая, что в доме ему отдохнуть не дадут, трусливо сбежал в сад – беседовать с милыми родственниками не было ни сил, ни желания. А в саду хорошо, спокойно, можно полежать в гамаке, вслушиваясь в томное жужжание пчел, и помечтать, что на самом деле все замечательно и никаких проблем нет.

Есть.

Ольга. Проблему зовут Ольга, точнее, Ольгушка, и она скоро предстанет перед ним воочию. Хотя, может, права Любаша, и следует выяснить все раз и навсегда?

– Игорек, ты тут? – Сладкий голосок матери напрочь убил остатки спокойствия, ну, сейчас начнется...

– Я знала, что ты здесь. Ну поцелуй же маму, будь хорошим мальчиком. И вообще с твоей стороны полное свинство приехать и даже не поздороваться! С Бертой, значит, целуешься, а от родной матери сбежал.

Игорь молча кивал в такт словам.

– Я, конечно, понимаю, что в твоём возрасте чрезмерная опека со стороны родителей выглядит смешно и глупо, но речь идет об элементарном уважении! Как тебе мое новое платье?

– Великолепно. Тебе идет.

Мать довольно зарделась и, кокетливо поправив причёску, вздохнула:

– Ах, Игорь, если бы ты знал, как в моем возрасте сложно подобрать подходящий наряд... кстати, тебе уже сказали, что Машкина затея с журналом провалилась? – Усевшись в плетеное кресло, матушка принялась рассуждать: – Это было с самого начала понятно, кому здесь нужен журнал для феминисток? Глупость. Чего они добиваются? Чтобы женщина выглядела, как прапорщик в отставке? Вот посмотри на меня, я в свои годы...

Игорь отключил слух, песня про годы и полную несостоятельность феминизма как направления была ему знакома от первого до последнего слова.

– Ты не должен был разрешать ей это безумие... ты должен был запретить, мужчина ты, в конце-то концов, или нет?

Сейчас матушка была похожа на раздраженную сороку.

– Нет, ну ты скажи, куда это годится, чтобы она чего-то требовала?

– Кто? – Игорь сообразил, что, задумавшись, прозевал переход от одной темы к другой.

– Ты меня не слушаешь. Ты никогда меня не слушал. Я про Евгению... ладно, если ей захотелось притащить свою полоумную доченьку сюда... но развод... откуда у нее мысль о разводе взялась? И она говорит, что ты согласен! Это же неправда?

– Правда.

– Игорь! – Матушка всплеснула руками. – Ты... ты не должен! Ты не имеешь морального права бросать несчастную девушку только из-за того, что...

– Что она ненормальная. Что она не способна родить здорового, без отклонений ребенка. Что большую часть времени она проводит в психушках. Что наша так называемая супружеская жизнь – фикция...

– Но... но ведь ее можно вылечить, так все считают... а ребенка... ну, другая родит. И супружеская жизнь наладится... а если вы разведетесь, то...

– То я потеряю моральное и, что гораздо важнее, юридическое право пользоваться Ольгушкиными деньгами. Так?

– Вот видишь, Игорек, ты сам все понимаешь.

Ну конечно, он понимает, да и как не понять, когда все вокруг только и твердят, что разводиться с Ольгушкой ну никак нельзя.

– И Дед не поймет. – Мать выдвинула последний и решающий аргумент. – Если ты разведешься, то...

– То он завещает свои миллионы кому-нибудь другому.

Этот разговор повторялся с завидной регулярностью, оттого давно уже не вызывал у Игоря никаких чувств, кроме усталости.

– Игорек, мне не нравится твое настроение. Ты не заболел? – Матушка заботливо пощупала лоб. – Нет, ты определенно мне не нравишься! Все твоя работа, разве можно столько работать? Кстати, я хотела поговорить насчет Васеньки...

– Нет.

– Ты меня даже не выслушал! Это просто невероятно. Я не понимаю твоего отношения к брату, в конце концов, я не прошу тебя делать его директором...

– А кем, мама?!

– Ну... я не знаю. У него ведь диплом есть.

– Диплом есть, а мозгов нет. Вместо мозгов у Васеньки честолюбие. Он же у нас избранный, и работать обычным менеджером ниже его достоинства. Ему руководить надо, и чтобы кабинет свой, и секретарша, и хрен знает что на золотом блюде.

– Игорь! – возмутилась мать, которая терпеть не могла, когда он ругался, но говорить о Васеньке спокойно Игорь не мог. Ну обо всем мог, даже о разводе, а о Васеньке нет.

Не мог, не хотел и не собирался. И матушка, поняв, что добиться желаемого пока невозможно, отступила. На время. Если повезет, то до завтрашнего дня он не услышит ничего о Васеньке. А если не повезет, то разговор возобновится за ужином.

Игорь вытащил из кармана монетку и, подбросив, загадал: если орел, то его оставят в покое, если решка, то нет.

Выпала решка.

Левушка

Районники приехали, когда Левушка уже совсем было решился пойти домой: ноги замерзли настолько, что он их уже и вовсе не чувствовал. И когда увидел грязно-серый «уазик», карабкающийся вверх по склону, огорчился – теперь-то хочешь не хочешь, а придется оставаться до конца, и попробуй-ка заикнись, что тебе отлучится надобно.

Работали споро, хотя и не пытались скрыть недовольство, оно и понятно, зябко, зыбко, день уж к вечеру повернул, а, несмотря на весну, темнеет тут рано, того и гляди седовато-сиреневые сумерки погонят из леса. Оно, конечно, и хорошо бы, кому охота торчать на болоте, а с другой стороны, не успеют осмотреть место происшествия, тогда придется возвращаться завтра...

А ноги-то, ноги вконец окоченели, Левушка уже не стесняясь приплясывал, чтобы хоть болью, колючими мурашками разогнать кровь. Точно, без ангины не обойдется... или хуже. Старшим среди районников был хмурого вида долговязый тип в пижонской кожанке, почти один в один как те, что чекисты в кино носят. Хотя в кино кожанки хоть по размеру подбирают, а тут висит, точно на пугале...

– Лев Сергеевич – это вы? – Недоверчиво спросил долговязый. Левушка, вздохнув, подтвердил, что Лев Сергеевич – это именно он, и почти не удивился, когда тип ехидно так усмехнулся. Ну да, ему смешно, что имя грозное, а внешность... внешность свою Левушка тихо ненавидел. И рыжие, в морковную красноту волосы, и оттопыренные уши, но больше всего веснушки, которые мелкой рыжей рябью переползали с лица на шею, на грудь и даже на руки...

– Знаете? – Долговязый кивком указал на тело. – Из деревенских?

Левушка замотал головой, покойная была незнакома, хотя, конечно, где уж тут понять, когда у нее и лица-то нету, череп, кожей обтянутый.

Сумку доставали долго, сначала спорили, кому лезть в прикрытую плотным моховым одеялом трясины, потом искали ветку, чтоб поддеть – совсем подойти не вышло, мох расползся в стороны, обнажая черное болотное окно, – и так же долго, орудуя длиннющей палкой, матерясь и сменяя друг друга, доставали. Зато в сумочке среди прочего барахла лежал паспорт, подгнивший, подмокший, со склеенными болотно-коричневыми страничками... но та, заламинированная, с именем, уцелела.

Девушку звали Мартой. Бехтерина Марта Вадимовна.

Красиво.

– Тю! – Федор, все это время безучастно наблюдавший за суетой, услышав имя, оживился. – Бехтерина? Точно? Так то ж это... Бертина племянница пропавшая. Или не племянница? Ну, с дачников этих, которые домину отгрохали, у них родственников, что в муравейнике, народу тьма, а фамилия одна... У них поспрошайте, должны знать.

Окурок, брошенный на влажный мох, едва слышно зашипел, а Левушка вдруг понял, что еще немного, и замерзнет насмерть...

Год 1870-й. Начало истории...

Иней похож на серебро, только холодное и легкое, чуть прикоснешься, расплзется, растает, осядет на пальцах водой. Раньше, в полузабытом уже детстве Настасья любила слизывать прозрачные капли, а няня ругалась, грозилась больным горлом и прочими бедами, да только все одно, стоило ей отвернуться и... зачерпнуть полную горсть белого колючего снега, растопить теплом, ощущая, как немеют пальцы, и быстро-быстро выпить талую воду.

До чего же глупо, и ведь не снега хотелось, а по-своему, чтобы наперекор... вот Лизонька, та не видела в том радости, завсегда послушная, примерная... скучная. Даже не верится, что родная сестра, настолько она чужда и непонятна в своей унылой готовности жить по правилам. Правда, все вокруг почитают Лизоньку едва ли не за ангела, а сама Настасья, выходит...

– До чего же нехорошо выходит, – мягкий Лизонькин голос влез в мысли. – Батюшка снова пишет, что задерживается, а значит, к приему у Межских не воротится. А ведь как славно было бы, если бы успел.

– И что тут славного? – Настасья отвела взгляд от затянутого инеем окна. Предстоящий бал не вызывал ничего, кроме глухой тоски и раздражения. Духота, наряды, различающиеся лишь колером ткани да деталями отделки... старые сплетни, потные даже сквозь перчатку ладони да неуклюжие комплименты. А матушка следить станет да сватать, в десятый раз перебирая местечковых кавалеров и вздыхая по поводу неуместной Настасьиной разборчивости.

Лизонька, аккуратно сложив письмо в конверт, с легким упреком произнесла:

– Порой ты бываешь невыносима, Анастаси...

– Анастасия, – Настасья терпеть не могла выдуманного сестрой прозвища, чересчур уж претенциозно. Так же претенциозно, как попытки местной портнихи шить по французским журналам... Лизонька замечание проигнорировала, она вообще обладала поразительной способностью не замечать то, что не укладывалось в ее ангельски-розовую картину мира. Во всяком случае, Настасье отчего-то казалось, что сестра видит мир... ну примерно так же, как героини французских романов.

Еще одна тоскливая глупость.

– Только не говори, что ты не пойдешь, – Лизонькин ужас был столь же непритворен, как и все ее эмоции. – Матушка расстроится, да и... остальные тоже.

Остальные, надо полагать, это те немногие поклонники, которые еще не разбежались, упорно игнорируя как Настасьин дурной характер, так и Лизонькину красоту.

– Если ты снова соишься на головную боль, то я... я... я матушке расскажу.

– Не сомневаюсь. – Сколько Настасья себя помнила, при малейшей проблеме сестра бежала жаловаться, сначала няне, потом гувернантке, теперь вот матери.

– Не сердись. – В голубых Лизонькиных глазах появились слезы. – Я не люблю, когда ты сердишься...

– Я не сержусь...

Мелькнула даже мысль объяснить... попытаться объяснить, что здесь, в доме, равно как и в поместье и вообще в размеренной, ограниченной правилами и установлениями жизни, она задыхается, но Лизонька не поймет. Поэтому Настасья, улыбнувшись, пообещала:

– И буду вести себя подобающим образом.

Александра

Ольгушкин дом поразил воображение своей несуразностью, будто бы архитектор, его планировавший, и сам до конца не понимал, что же, собственно говоря, он желает построить. Деревянные колонны строгого классицизма уживались с готическими башенками и балконом, спиралью обвивающим здание. Асимметричная крыша блестела красной черепицей, а стрельчатые окна второго этажа и витражи третьего словно вступали в молчаливое противоборство с солидными стеклопакетами первого. И в довершение всему – кованый флюгер бок о бок с антенной спутникового телевидения и стальной короб кондиционера.

Господи, что я здесь делаю? Ольгушка вцепилась в руку, ладонь у нее мокрая, да и на синем хлопке платья проступили темные пятна пота. Волнуется. И я волнуюсь, хотя все же не так, как она...

Здесь я из-за Ольгушки, точнее, из-за ее матери... теперь, оглядываясь назад, могу вспомнить каждое слово из нашего разговора, но вот момент, когда я согласилась, точнее, зачем я согласилась, ускользает.

Она явилась утром в тот день, когда я паковала вещи, раздумывая, что делать дальше. Ремонтом займется фирма, и с этой точки зрения проблем вроде бы нету, но... где мне жить, пока будет идти ремонт? В гостинице?

Евгения Романовна вошла без стука, что в общем-то вполне вписывалось в ее характер. Мать Ольгушки была богата и самоуверенна. Не знаю, происходила ли ее самоуверенность из осознания того факта, что деньги в нынешнем мире определяют положение, или же, наоборот, богатство являлось закономерным следствием уверенности в себе и воли, навязывающей эту уверенность окружающим, но Евгения Романовна совершенно определенно знала, чего хочет от жизни в целом и от меня в частности. И пришла лишь затем, чтобы ознакомить меня с принятым решением.

– Доброе утро, Александра. – Она всегда называла меня полным именем, впрочем, как и Ольгушку. – Как твое самочувствие?

Вопрос был задан из вежливости, и мы обе это понимали.

– Спасибо, хорошо.

– У тебя здесь мило. Я присяду, не возражаешь? – Евгения Романовна, не дожидаясь разрешения – нужно оно ей, как телеге пятое колесо, – уселась на стул. Стоять под холодным изучающим взглядом было неуютно, поэтому я тоже села. Чувствовала себя идиоткой, впрочем, до сегодняшней встречи я имела честь дважды беседовать с Евгенией Романовной, ну и один раз удостоилась вежливого кивка.

– У меня к тебе деловое предложение, полагаю, оно тебя заинтересует, ты – женщина разумная и сильная, если выбрала подобную профессию.

– Какую?

– Александра, ты прекрасно понимаешь, о чем речь.

– А если нет?

На лице Евгении Романовны мелькнула тень недовольства.

– В таком случае придется прояснить некоторые моменты. Мне казалось, что разговор об этом будет неприятен для тебя, но раз уж так... Александра Федоровна Вятнич, двадцать пять лет, образование высшее филологическое, два иностранных языка, неплохие способности к музыке и живописи плюс великолепные внешние данные, что в значительной мере повышает цену на твои услуги. В течение двух лет являлась официальной любовницей Сигова Сергея Ивановича. Дальше продолжать?

– Продолжайте. – Если она думала меня задеть, то выбрала неверный тон.

– Умна, но при необходимости умеешь притвориться душой, впрочем, в число твоих талантов входит и редкая способность находить общий язык с самыми разными людьми, независимо от статуса и социального положения. Что добавить? Заняться тебе в данный момент нечем, а мое предложение в некоторой степени соответствует твоей профессии.

– Неужели?

Евгения Романовна выпад проигнорировала, она вообще игнорировала все, что, по ее мнению, не соответствовало выбранному направлению беседы.

– Ты ведь знакома с моей дочерью, довольно близко, если не ошибаюсь. Наверное, заметила, что Ольга не совсем адекватна? Нет, конечно, она не настолько сумасшедшая, чтобы запереть ее в психбольнице, однако и не настолько нормальная, чтобы самостоятельно распоряжаться имуществом. Мой супруг большую часть имущества завещал дочери, однако после произошедшего несчастья вышло, что опекуном и реальным хозяином фирмы стал Игорь.

– Сочувствую.

Евгения Романовна вежливо кивнула и продолжила рассказ:

– Таким образом, вышло, что нашим, совместно с Вадимом нажитым имуществом фактически распоряжается мой зять! И при всем этом он имеет наглость ограничивать наши с Ольгой расходы!

Надо же, как все серьезно, «наши с Ольгой», да одна шляпка Евгении Романовны стоит больше, чем неделя пребывания в «Синей птице».

– А от меня что надо?

– От тебя? Ну... скажем так, профессиональная услуга. Но давай по порядку. – Евгения Романовна поправила брошь, чуть склонившуюся на бок, и продолжила: – За исполнением воли супруга следит его родственник... который относится к Игорю весьма благожелательно. настолько благожелательно, что сквозь пальцы смотрит на многочисленные романы моего зятя. Мужская солидарность... мой зять падок на женщин, красивых женщин, но вот все его романы, как бы сказать... несерьезны. Да и в виду некоторых особенностей Ольги нормальная супружеская жизнь невозможна, но... – Дама вдохнула поглубже, наверное, подошла к самой сути дела. – Если роман затянется, если Игорь позволит себе содержать любовницу за счет средств законной жены... даже Дед не станет возражать против развода. Ты понимаешь?

Я кивнула. Понимаю, очень хорошо понимаю, и Евгения Романовна заговорила поспешно, не сдерживая волнение и застарелую неприязнь к зятю:

– Это по его вине Ольга стала такой. Он проходимец, авантюрист, человек бесчестный... от развода его удерживают лишь Ольгины деньги, к тому же я склонна подозревать его в вещах гораздо более страшных, нежели внебрачные связи... – на этом месте она запнулась, наверное, опасаясь спугнуть меня, и быстро добавила. – С другой стороны, Игорь – мужчина видный и даже красивый, не спорю. Обаятелен, воспитан... особенно в сравнении со своими родственниками. Впрочем, сама увидишь.

– Пока я ни на что не соглашалась.

– Тридцать тысяч, – веско сказала Евгения Романовна. – Естественно, не рублей. И все, что тебе удастся вытянуть из этого проходимца, останется при тебе. Не стесняйся, страсть к ненужному шику – обычная черта плебеев, выбившихся в люди. В конечном итоге от тебя не требуется ничего такого, чего не доводилось делать прежде.

И я согласилась. Не столько из жадности, сколько... не знаю. Чтобы вернуться в привычную жизнь? Еще одна сделка... цена хорошая и... Евгения Романовна права, ничего такого, чего не доводилось делать прежде.

А Ольгушка не знает, она искренне полагает, будто я по доброте душевной приняла ее приглашение. Мы подруги, так она сказала... бедняга. Я не подруга, я – содержанка.

– Красиво, правда? – Ольгушка открыла дверь и весело, беспечно, будто и не было недавнего страха, шагнула во двор. Я неуклюже выбралась за ней, ощущая непонятное головокружение. А Ольгушка вдруг склонилась к самому уху и прошептала:

– Красиво и страшно. Это как в кошмар вернуться. Только никому не говори, это тайна!

– Не скажу, честное слово, – пообещала я, и Ольгушка тут же улыбнулась:

– Конечно, не скажешь, ты же моя подруга, и я тебе верю!

Игорь

Он совершенно забыл о том, что сегодня приезжает Ольгушка. Вот вчера еще помнил, а сегодня забыл начисто и, увидев во дворе серебристую тушу «Мерседеса», совершенно растерялся.

– А вот и Игорек. Доброе утро, – Евгения Романовна с улыбкой протянула упрятанную в шелковую перчатку руку, которую Игорь вежливо пожал, заработав недовольный взгляд. Ну и плевать, он ей не пудель, чтоб руки лизать.

– Здравствуй, – Ольгушка смотрела настороженно, будто на чужого... А они и есть чужие, семь лет брака, из которых пять – это вот такие полуслучайные встречи под присмотром Евгении Романовны. Порой Игорю начинало казаться, что, если бы не теща, все сложилось бы иначе...

– И тебе добрый день.

Ольгушкина ладонь вялая, безжизненная, на лице покорно-равнодушное выражение, которое делает само лицо серым, невыразительным. А прежде она была яркой... почти такой же яркой, как эта блондинистая стерва, стоящая рядом с Ольгушкой. Стерву Игорь заметил даже раньше, чем жену, и в тот же момент поклялся, что и близко к ней не подойдет, уж больно хороша, слишком хороша, чтобы Евгения Романовна позволила ей существовать в непосредственной близости от дочери. Тогда зачем она здесь?

– Это Александра, подруга Ольги, – представила блондинку Евгения Романовна. – Надеюсь, в этом доме найдется для нас место?

– Найдется.

Подруга. Странно, сколько Игорь помнил, Евгения Романовна с завидным упорством устраняла подруг, друзей, приятелей, в общем, всех, кто мог подорвать непререкаемый материнский авторитет. А белобрысая ухмыляется, откровенно, нагло, выставляя напоказ хищную натуру.

Господи, ну о чем он думает?

Об Ольгушке. О разводе. О том, что тоже имеет право на нормальную жизнь...

Честно говоря, появлению милиции Игорь не удивился совершенно, должно быть от того, что после приезда Ольгушки и Евгении Романовны подсознательно ожидал чего-то такого... неприятного. Их было двое, первый долговязый, хмурый, с каким-то чудовищно неприятным, будто измятым лицом, некрасивость которого подчеркивали ранние залысины, второй же – смешной, рыжий, яркий.

Хмурого звали Петром Васильевичем, а рыжего – Львом Сергеевичем, Игорю с трудом удалось сдержать смех, до того не вязалось имя с внешностью. Лев... да какой лев, скорее уж дворовый, июньский котенок, забавный приبلудыш...

Правда, в скором времени о забавах пришлось забыть. Хмурый, откашлявшись, поинтересовался:

– Вам знакома Бехтерина Марта Вадимовна? Кто-нибудь сумеет опознать тело?

Матушка с элегантным вздохом упала в обморок, а Любаша тихо спросила:

– Значит, нашли, да? Нашли? Игорь, ты слышал, они Марту нашли...

Левушка

Голова кружилась, а в горле неприятно першило, каждый вдох вызывал приступ кашля, с которым Левушка мужественно боролся, и без того на фоне Петра он, должно быть, забавно выглядит, а еще кашлять начини... вчерашний день в мокрых ботинках на болоте не прошел даром. И хотя Левушка, последовав совету Федора, выпил-таки водки с перцем на ночь, но с утра все одно знобило. Дома бы остаться, отлежаться в постели, так где ж тут отлежишься...

Не то чтобы присутствие Левушки было необходимо, вероятно, Петр прекрасно справился бы и сам, но... в кои-то веки в Левушкином районе случилось нечто серьезнее кражи, так неужто теперь он променяет расследование настоящего убийства на пуховое одеяло и чай с малиной?

Чай не помешал бы, и одеяло, знобит, будто вчерашний болотный холод обосновался где-то внутри, сидит, жрет, тянет последнее тепло... отвлекает.

Элегантная дама неопределенного возраста тихо осела на диван, надо сказать, красиво, почти как в кино, другая тут же принялась хлопотать, обмахивать обморочную веером. Дом такой... странный дом, до невозможности странный. И дело не во внешнем виде, а в самой атмосфере... будто в прошлое попал, и пусть телевизор в углу стоит, и мобильные небось у каждого, но все ж таки... непонятно.

– Так, значит, Марта Вадимовна знакома?

– Да, – ответила долговязая девица с болезненно-худым лицом. – Знакома. Это Ольгушкина сестра...

– Ольгу в это дело прошу не вмешивать, – жестко заявила дама в светлом льняном костюме. – Проявите хоть каплю милосердия, не подвергайте ее стрессу. Если нужно опознать Марту, это могу сделать я. Или Игорь. Даже лучше, если Игорь.

– Почему?

– А у него спросите... дамам не к лицу сплетничать, тем более о погибших. Пусть покоится с миром.

– Евгения Романовна, – нехорошо усмехнулась долговязая. – А мне кажется, что вы как раз сплетничаете.

– Боже мой...

Кто сказал это, Левушка не заметил, слишком уж много народу было, Петр решил так же, потому потребовал выделить ему место, где можно было бы поговорить с каждым членом семьи по очереди. Комната, куда проводила их все та же долговязая девица, отличалась почти вызывающей роскошью и удивительной захламленностью: обилие мебели, книги, бумаги, фарфоровые и бронзовые безделушки, тяжелые портьеры на окнах и слой пыли на зеркале, из-за чего отражения приобретали неприятный сероватый оттенок.

– Извините, что так, но тетушка запрещает кому-либо убирать в кабинете, боится, что дядюшкины вещи порастащат, хотя глупо, конечно, дверь-то открыта, но... блажь у нее такая. Правда, когда Дед приезжает, тогда не до блажи. – Девица уселась на низкую танкетку и поинтересовалась: – А где вы ее нашли?

– Кого?

– Ну Марту, естественно, кого ж еще. Вон, за стол садитесь, писать удобнее будет. Вам же надо писать? Протокол допроса и все такое...

– Надо, – согласился Петр. – Но если не возражаете, мы просто поговорим...

– Значит, диктофон, – заключила девица. – Ладно, мне-то все равно, а вот мегерам нашим вряд ли понравится... но вы спрашивайте, не стесняйтесь.

Все-таки Петр сел за стол, отодвинул в сторону книги, аккуратно сложил бумаги, поставил антикварного вида чернильницу и, водрузив на освободившийся пяточок пространства худые локти, спросил:

– Кем вам приходится потерпевшая? И пожалуйста, представьтесь.

– Приходилась, – поправила долговязая. – Ну... сложно сказать. Сами судите, Марта – Ольгушкина сестра, правда, только по отцу, Ольгушка – жена моего двоюродного брата... так что, наверное, никем. Ах да, представиться... Бехтерина Любовь Марковна, можно просто Любаша.

– Любовь Марковна... – Петр, кажется, смутился, или Левушке просто показалось, поскольку его самого подобные девицы смущали невероятно, наверное, из-за роста и резкой манеры общения, больше напоминающей мужскую. Левушка предпочитал девушек нежных, романтично настроенных.

– Любовь Марковна, вы не могли бы оказать содействие... помочь... – Все-таки смутился, в словах путается и прямого взгляда избегает. – Разобраться, кто здесь кто.

– Самой хотелось бы, – ответила она, закидывая ногу за ногу. Длинные, с костистыми узлами коленей, точно у породистой лошади, и узкими щиколотками, на которых синими полосками выделялись вены. – Это не просто дом, это – сумасшедший дом. Спасибо покойному дядюшке за его идиотское завещание... видите ли, все Бехтерины имеют право жить здесь, безо всяких условий, столько, сколько хочется... родовое гнездо. А Дед так вообще настаивает, чтобы мы раза два в год собирались, так сказать, для закрепления семейных уз. Деду не возразишь. Ну... формально тут хозяйка Берта, моя тетка, должны были заметить, рыжие волосы, красный брючный костюм и золотая цепочка почти до колен.

Петр кивнул, и Левушка тоже, вышеописанную даму он помнил.

– У мужа тети Берты было два брата, один – мой папа, второй – муж тети Сабины, отец Игоря. Пока понятно?

– Да.

– Хорошо. Тогда давайте дальше. У дяди Георгия и Берты детей нет, честно говоря, оно и к лучшему... У тети Сабы – Игорь и Васька, еще тот сукин сын, но сами увидите, этакая ласковая сволочь. Ну а у меня две сестры, но Машка с Танькой только должны приехать.

– И все Бехтерины?

– Конечно. У Деда маниакальное стремление собрать всех Бехтериных вместе, поэтому и брак Игоря с Ольгушкой одобрил... она ведь тоже из семьи, но по другой какой-то ветви. Фамилия одна, и у нас, и у них, а что да как... то ли Евгения Романовна внучка Дедова брата, то ли ее муж... Честно говоря, я с этой генеалогией не очень, – призналась Люба. – Вы у Берты спросите. Или у Евгении Романовны, вот уж кто и вправду с радостью поделится информацией...

– Евгения Романовна – это...

– Ольгушкина мамаша и заодно теща Игорька, чтоб ей пусто было. Стерва знатная, поэтому Дед и сторожит этот брак, чтоб деньги Евгении не попали... хотя как по мне, пусть бы забирала и уматывала, лишь бы на нервы не действовала... да она кого хочешь из дому выживет, вон ту же Марту взять. – Любаша замолчала.

– А что с Мартой?

Левушке вопрос показался до невозможности глупым, ясно же, что с Мартой – убили ее, связали и в болото бросили, но Петр должен знать, о чем спрашивает... наверное, должен. Любаша молчит, то ли думает, что рассказать, то ли как послать настырного мента подальше. А в горле снова кошки скребут, да так, что ни сглотнуть, ни вдохнуть. Точно, ангина.

– Да лет пять тому исчезла. Вроде как ушла сама, записку даже оставила, чтоб не искали ее... Дед, правда, пытался, но бесполезно... тут еще с Ольгушкой беда, вы не сильно на нее давите, ладно? Она несчастная, с одной стороны Евгения жизни не дает, с другой... а все равно

узнаете ведь. Сумасшедшая она. – Любаша смотрела вниз, на ноги, и говорила быстро, торопливо, и Левушка терялся среди слов, не в силах уловить смысл. – Не буйная, тихая, и даже вроде бы как не совсем чтобы сумасшедшая, она понимает, что происходит вокруг, только... ну как в сказке живет. Как раз спустя день-два после Мартиногo исчезновения Ольгушка в аварию попала, вроде как не сильно пострадала, перелом там, царапины, головой ударилась... память потеряла.

– Неужели?

– Вот только не надо! – Любаша вспыхнула гневом. – Нечего тут... думаете, легко, когда дорогой тебе человек меняется? Перестает узнавать? Становится совсем-совсем другим и понимаешь, что это, возможно, навсегда?

– Извините.

– Это вы меня извините, – Любаша покраснела, неровно, некрасиво, свекольный румянец на худом костлявом лице выглядел чуждо, и Левушка тактично отвернулся. – Я просто... сорвалась. Иногда бывает... нервная здесь обстановка...

Она вытащила из кармана цветастой рубахи пачку сигарет – тоненьких, по-дамски изящных – но тут же положила на место, пояснив:

– Тетка убьет, если узнает, что курила... или сама от инфаркта скончается. История на самом деле неприятная... да что там, Евгения подробно расскажет...

– А вы не хотите рассказать сами? – поинтересовался Петр, и Левушка снова кивнул, вроде как поддерживая просьбу.

– Хочу. И расскажу. Марта и Ольгушка, они наши, местные были... ну точнее, не совсем местные, дачи родительские в одном поселке стояли, Игоревa отца и Вадима Николаевича, я тоже в гости часто приезжала, там свободнее, никто не следит, не попрекает... льготная жизнь. Потом Игорь с Ольгушкой встречаться начал, вроде как и не на даче, к этому времени его отец умер, дачу пришлось продать. Естественно, Евгения была против этих свиданий, как же, ее драгоценная дочь и какой-то оборванец... – Любаша скорчила рожу. – Она ж у нас аристократических кровей, вся из себя... подойти страшно. А Ольгушка простая, даже простоватая... ну, понимаете, о чем я? Марта вот поярче была, хотя похожи, конечно, даром что сестры...

Левушка окончательно запутался и продолжал слушать скорее по инерции.

– Когда ж Ольгушка с Игорем поженились, кстати, тайком от матери, Евгения была в шоке, все на разводе настаивала, но Вадим Николаевич приказал не мешать, он Игорю симпатизировал... я отвлеклась, да? Сложно просто все, запутано...

– Ничего, – пообещал Петр, – разберемся.

– Разберетесь, – с непонятной интонацией повторила Любаша. – В общем, получилось так, что большую часть времени Ольгушка с Игорем тут жили... и Марта с ними. Тихо все, прилично... пристойно... а потом Марта возьми да исчезни, и письмо оставила, только не нам, а Деду, дескать, беременна от Игоря, перед сестрой стыдно, перед остальными тоже, понимает, что осудят, оттого и убегает... Как он орал!

– Кто?

– Да Дед, кто ж еще. Он у нас жутко на приличиях помешанный, мне вон, как узнал, что в модели иду, живо кислород перекрыл, раньше и квартиру оплачивал, и так подбрасывал, на мелочи всякие, а тут уперся, что фамилию позорю, и все. Ну и плевать, я сама себя обеспечиваю!

– И правильно, – поддержал Левушка, которому внезапно стало очень жаль эту длинную, нескладную девицу. Правда, тут же застеснялся, голос-то сиплый-сиплый, и говорить больно. А Петр глянул недовольно, вроде как получается, что Левушка допросу мешает. – И-извините.

– Ну после скандала этого Ольгушка и попыталась уехать отсюда... в аварию попала... вот и все вроде. Игорь, правда, клялся, что он ни при чем и отношения с Мартой сугубо дружеские,

но... кто ж поверит-то. Думали, дело-таки дойдет до развода, однако сначала авария, потом больницы эти бесконечные... то у нас, то в Швейцарии... в Америке опять же. И в Израиле... куда он только Ольгушку не возил, да без толку. Даже Дедовы связи не помогли...

– Кто такой Дед? – поинтересовался Петр, и Левушка мысленно присоединился к вопросу, очень уж часто свидетельница поминала Деда, да и то, как именно упоминала – вполголоса, почтительно, – вызывало несомненный интерес.

– Дед – это Дед, – ответила Любаша, вытягивая костлявые ноги вперед, тонкие каблук домашних тапочек кинжалами распороли пушистую шкуру ковра, влажно поблескивала тонкая ткань колготок, и Левушка вдруг подумал, что ноги совсем даже не лошадиные, а...

– Он – патриарх. Главный. Точнее, главное, что денег у него немерено, а прямых наследников вроде как и нету, вот и пользуется. Чуть что не по нем, сразу «наследства лишу»... наши-то все надеются, что Дед состояние свое Игорю завещает, ну как единственному мужчине в семье, но это пока тот послушен...

– Вы говорили, что у Игоря есть еще брат.

– Васька? – Любаша фыркнула. – Сладкое дерьмо, а Дед людей чует, его хорошими манерами не проведешь... неа, Васька – дохлый номер. Если не Игорь, то Машка... хотя феминисток Дед не любит. Или Танька, та вообще образец благопристойности... вот кстати, Марту Дед любил... и Ольгушку... Чертовы «Мадонны»...

Кто бы знал, до чего тяжело исполнить обещание. Улыбаться, когда тебя оценивают, ощупывают взглядом, отмечая каждую деталь, сравнивают... В тяжелой приправленной ароматами духов зале находиться было невыносимо, и Настасья вышла в сад, надеясь, что в ближайшие четверть часа матушка будет чересчур занята беседой, чтобы заметить отсутствие дочери. Потом, правда, все одно без нотаций не обойдется – непристойно незамужней благовоспитанной девице в одиночестве по саду гулять; ну да хоть какая-то передышка.

Спокойно, тихо, прохладно. За стеклянной крышей оранжереи мелкими брильянтами блестят звезды. Хорошо, наверное, звездой быть... вольготно, на небе-то простор, не то что внизу...

– Быть может, и внизу не все так плохо? – Шепотом поинтересовалась тень, и Настасье пришлось зажать рот руками, чтобы не заорать со страху.

– Сударыня, простите великодушно... не чаял встретить здесь кого-то... столь прелестного. Дозволите представиться?

– Представьтесь. – Голос дрожал, и Настасья ненавидела себя за столь явное проявление слабости. Вот и вышло, почитала себя сильной да бесстрашной, а тут едва в обморок не упала, будто... будто Лизонька.

– Дмитрий. – После секундной паузы незнакомец добавил: – Коружский.

– Анастасия. – Настасья почувствовала, как краснеет. Господи, а и вправду ситуация довольно двусмысленная, ежели кто выглянет в сад... увидит... слухи пойдут. Уходить надобно, но как? Развернуться и пойти в дом? Невезливо.

– Что ж, подходящее имя для звезды. – Голос у Дмитрия теплый. – Как мед и яд в одном бокале... не убегайте, сударыня, я не причиню вам зла... разве что нечаянно. Позвольте вашу руку...

Это прикосновение обожгло жаром чужих пальцев и осознанием непристойности происходящего. Но хуже всего, что Настасье нравилось, и сердце заколотилось, совсем как в романах... Боже мой, неужто она и вправду настолько испорчена?

– Перчатка. Преграда, чтобы не позволить смертному прикосновением оскорбить богиню.

– П-простите... – Настасья чересчур резко вырвала руку и на всякий случай спрятала за спину. Этот человек ее пугал, не столько ростом или внешностью – в темноте оранжереи все одно не разглядеть лица, – сколько наглостью поступков и речей.

– Юны и боязливы... пройдет со временем, – пообещал Коружский. – А жаль, в этом мире почти не осталось чистоты.

– О чем вы говорите? – С одной стороны, Настасья понимала, что нужно уходить, и немедленно, с другой – нечаянный знакомец был разительного непохож на всех тех, с кем ей доводилось иметь дело. О да, ее и прежде называли богиней, и в альбоме писали, что глаза «аки звезды», но те строки, которыми она втайне гордилась, хоть и презирала себя за эту гордость, внезапно показались донельзя пустыми.

– Обо всем понемногу. О невинности и вине, в равной степени о том, которое пьют, и о той, что приводит к пьянству.

– Я не понимаю...

– Понимание – совсем не то, что можно требовать от людей... или богов. Но вы не спешите убегать, и в том вижу добрый знак. Или, быть может, вы заблудились? Сложно отыскать путь на небо и тошно оставаться на земле. Но вам пора, зачастую судят быстрее, чем думают. Смею ли надеяться на новую встречу, звезда по имени Анастасия?

Остаток вечера прошел в смятении, Анастасия была смущена и растеряна, не зная, что думать о той нечаянной встрече в саду и думать ли вообще. И рассказывать ли... кому? Матушке? Она придет в ужас. Лизоньке? Та тоже придет в ужас и непременно нажалуется, значит... молчать? Но жарко, до чего же жарко... невозможно дышать, и веер не помогает.

– Что случилось? – поинтересовалась Лизонька. – Ты выглядишь так, будто у тебя и вправду мигрень началась.

Сама она была свежа и прелестна, впрочем, как всегда. Ангел.

– Если ты и дальше собираешься так трясти веером, то все решат, что ты больна.

– Я не больна. – Настасья закрыла веер, пожалуй, чересчур резко, даже раздраженно, и раздражение это не ускользнуло от внимательного Лизонькиного взора. Правда, на сей раз сестра не стала делать замечаний, только по совершенному личику мелькнула тень недовольства, которое тут же уступило место молитве:

– Анастаси, милая, ну пожалуйста, потерпи... – и наклоняясь к самому уху, Лизонька зашептала: – Говорят, будто здесь сама мадам Аллерти... та самая... медиум... и может быть, удастся уговорить ее на спиритический сеанс...

Свечи гасли одна за другой, и победившая темнота подползала все ближе и ближе, было в этом движении нечто неестественно живое, и Настасья подобрала полы платья, чтобы уберечь их от соприкосновения.

Людей на сеанс собралось не так и много, двенадцать человек и тринадцатой – сама мадам Аллерти. Нехороша, старая, лет около сорока, темная кожа, морщины, седые волосы и черное платье старомодного кроя. Встретившись с Настасьей взглядом, мадам Аллерти улыбнулась, отчего по коже моментально побежали мурашки. Настасье не нравилось ни это место, ни медиум, ни сама идея сеанса, но отказать Лизоньке, жаждавшей поучаствовать в новомодной забаве, было никак невозможно.

Тем временем на низком столике красного дерева появлялись все новые и новые предметы. Черные свечи, колода странного вида карт, тонкий инур, хрустальный шар... с каждой новой вещью Настасья ощущала себя все более и более неуверенно, появилось желание встать и уйти, но Лизонька довольна...

– Снимите перчатки и возьмитесь за руки, – велела мадам Аллерти, голос скрежещущий, будто ногтем по стеклу, неужто настоящий?

В левую ладонь скользнули чуть влажные, холодные пальчики Лизы. Рука же Мари Красовской, сидевшей по правую сторону от Настасьи, была суха и горяча.

– Духи капризны... – предупредила медиум. – Порой они не желают говорить. Либо же говорят не совсем то, что хотелось бы услышать тем, кто задает вопросы.

Чудное дело, но после этого предупреждения Настасья успокоилась. Обман это все, и сеанс спиритический, и духи. Дань моде – и только.

Оставшиеся свечи погасли одновременно, Лизонька ойкнула, Красовская же покрепче сжала Настасьину руку, а на столе украденной луной, белесой, круглобокой и невозможной в подобной близости, разгорался хрустальный шар.

То, что происходило дальше, Настасья почти не запомнила, голос медиума то отдавал привычным скрежетом, то падал в шепот, то, наоборот, срывался в крик, но слова ускользали... а потом мадам Аллерти повернулась к Настасье. Темное лицо, морщины кажутся ирами, а глаза горят отражением хрустального огня, не серые, как прежде, а почти белые с крохотными едва различимыми точками зрачков.

– Берегись себя и отражения... – шепот-шепест окутывал, заставляя сжиматься в предчувствии чего-то жуткого.

– Крови своей берегись... и Богородицы... меча и яда... огонь не тронет, вода сохранит... но кровью кровь не выкупить...

Страх ледяным комком замер в горле, не позволяя ни закричать, ни отвести взгляд от этих невозможно-нечеловеческих глаз. А медиум улыбнулась и в довершение совсем уж позмеиному прошептала:

– Одной смерть, другой жизнь...

Чья-то рука коснулась волос и... комната провалилась в темноту.

Александра

– Божья кара... божья кара... – тетушка Берта судорожно обмахивалась костяным веером. – Наказание-то, господи...

– Господь тут совершенно ни при чем, – заметила тетушка Сабина, которая, позабыв о недавнем обмороке, нервно расхаживала по комнате. – Это... это... чудовищно. Марточка, девочка...

– Стерва, – вяло заметил Василий. – Хитрая стерва и притворщица, которая получила по заслугам.

– Васенька, милый, ну разве можно так! – Веер в Бертиных руках на мгновение замер. – Тем более при...

Косой взгляд в мою сторону, ясно, милейшая тетушка хотела сказать «при посторонних». Уйти? Или сделать вид, что не поняла намека? В конечном итоге, я не виновата, что оказалась случайным свидетелем внутрисемейных разборок. Остаюсь сугубо из чувства противоречия, ну и еще потому, что Евгения Романовна не делает попыток увести Ольгушку, и та сидит, забившись в угол, и дрожит, того и гляди заплачет.

Присев рядом, я погладила Ольгушку по плечу, она благодарно улыбнулась.

– О чем они говорят? – Берта похлопала сложенным веером по ладони. – Нет, ну о чем можно говорить столько времени?

– О сплетнях и чудовищном вранье, которое ваша племянница, вне всяких сомнений, выливает на головы этих, с позволения сказать, господ. – Евгения Романовна удивительно спокойна.

– Что вы хотите сказать?

– То, что она, вероятно, обвиняет Ольгу.

– Господи, в чем обвиняет? – Сабина приложила руки к вискам и пожаловалась. – Гарик, у меня мигрень начинается, это невыносимо! Почему я должна присутствовать при всем этом...

– Вас, дорогая родственница, – Евгения Романовна сделала акцент на слове «родственница», – присутствовать никто не заставляет...

– Тихо! – приказал Игорь, и все послушно замолчали. Понимаю. Игорь Бехтерин производит впечатление, я вот до сих пор от этого впечатления отойти не могу. Там, во дворе, он показался просто большим, здесь же, в зале, на фоне тщедушных тетушек и витой ротанговой мебели он кажется удручающе огромным. Высокий, ширококостный, обманчиво-неуклюжий... опасный.

Я ему не понравилась, с первого взгляда не понравилась и, странное дело, испытала неимоверное облегчение. Не знаю, что имела в виду Евгения Романовна, говоря о привлекательности Бехтерина, но... покатый лоб, широкий, чуть приплюснутый нос, резко очерченная нижняя челюсть и в довершение – злые мутно-серые глаза.

– Во-первых, пока никто никого не обвиняет. – Вот голос у чудовища неожиданно красивый. – Во-вторых, не до конца ясно, что же все-таки произошло... ну, а в-третьих, предполагаю, что все домыслы и сплетни лучше пока оставить при себе.

И снова взгляд в мою сторону, но на сей раз куда более неприязненный, чем тетушкин.

– Видишь, – прошептала Ольгушка, наклоняясь ближе. – Он меня ненавидит. Он всех ненавидит.

– Хочешь, уйдем отсюда?

– В сад. Я покажу тебе сад. – Ольгушка вскочила и, не обращая внимания на неодобрительный взгляд матери, громко объявила: – Мы идем гулять в сад.

– Конечно, милая, – ответила Сабина. – Там сейчас очень красиво...

С этим нельзя было не согласиться, не то чтобы за садом как-то особенно ухаживали, скорее, наоборот, позволяли существовать в полудиком, не втиснутом в рамки модного ныне ландшафтного дизайна, состоянии. Вымощенные кирпичом дорожки, лохматые кусты пузыреплодника, расцвеченные желтыми одуванчиковыми пятнами лужайки и редкие клумбы. Уютно.

– Они считают меня сумасшедшей, – Ольгушка, наклонившись, сорвала одуванчик. – Думают, что они – нормальные, а я – нет. И ты тоже, раз в санатории была... это ведь специальный санаторий, для тех, кто отличается от прочих, верно?

– Верно. – В воздухе запах меда, тепло и даже почти жарко, хотя настоящая летняя жара, с пылью и духотой, еще впереди.

– Есть две Мадонны... Скорбящая и Гневливая... одна без другой невозможна... лишь отражения друг друга, как две тени, ставшие напротив. – Ольгушка говорила нараспев. – Одна умирает, значит, и второй не жить. Я скоро умру.

– Не умрешь.

– Ты не знаешь, всегда так было... Марта ушла, и я заболела... теперь ее нет, и меня не будет. А Мадонны останутся... только ты не верь тому, что видишь. Нужно смотреть глубже, дальше, чем нарисовано, тогда все будет ясно... слезы – не всегда от горя, и огонь часто похож на кровь... ну вот, теперь и ты поверила, будто я безумна.

Поверила. Почти поверила, слова бессвязны, непонятны, но вот Ольгушкин взгляд, он лишен былой умиротворенной беспечности. Ольгушка глядит с насмешкой, будто ждет чего-то, и, не дождавшись, добавляет:

– Я пошутила. Просто пошутила, а ты поверила... смешно.

Игорь

Марта нашлась... сложно сказать, что испытал Игорь, услышав это. Облегчение? Да, было облегчение, но скорое, мимолетное, почти тут же уступившее место раздражению и пониманию того факта, что старая, порядком уже подзабытая история вновь выплывает наружу.

Придется снова доказывать, что не виноват, не причастен, и видеть – не верят. Кивают, соглашаются, а в душе не верят.

Твою ж мать...

– Значит, Марта Вадимовна была сестрой вашей супруги?

– Да.

Знакомая обстановка дядиного кабинета придавала уверенности, вот только менты тут смотрелись чуждо.

– И пять лет назад она сбежала из дому?

– Да. – Игорь решил отвечать односложно, меньше шансов попасть впросак, знать бы еще, что именно им Любаша рассказала... хотя, скорее всего, излагала факты, это не Берта с ее фантазиями, и не теща... вот уж кто от души развлечется...

– А почему она решилась на подобный поступок? – Мент вертел в руках карандаш и смотрел будто бы в сторону, а Игорь все равно ощущал на себе внимательный, изучающий взгляд. Прицениваются, решают, с какого боку подойти... правда, второй из этой парочки попроще, рыжий, веснушчатый, безопасный с виду.

– Значит, не знаете, – заключил старший. – Или просто не хотите говорить?

– Не хочу. Не вижу смысла. Полагаю, вам и так все расскажут. Здесь вообще любят поговорить.

Дальнейший допрос был деловит и конкретен, вопросы, ответы... снова вопросы и снова ответы. Странно, что не записывают. Или повторно вызовут, уже в официальном порядке?

Впрочем, Игорь ни секунды не сомневался, что дело сегодняшним разговором не закончится, затянется, потреплет всем нервы, а уж когда до Деда дойдет...

– Ее ведь убили?

– Что? – тот, который за столом сидел (как же его зовут-то... Петр... Сергеевич, кажется, хотя нет, Васильевич, да, именно Петр Васильевич), с удивлением поглядев на Игоря, поинтересовался: – А с чего вы решили, будто речь идет об убийстве?

С чего? Сложный вопрос. Скорее всего, потому, что больно уж нагло, вызывающе вели себя эти двое... и потому, что именно эта ипостась смерти как нельзя более подходила характеру Марты. Болезнь? Несчастный случай? Нет... чересчур обыденно. Суицид? И представить себе невозможно, только не Марта с ее жадой жизни. Остается убийство, изящное или не очень, но именно убийство.

Вопрос в том, как объяснить свои умозаключения этим двоим...

– А вы ведь угадали. – Петр Васильевич сцепил пальцы рук, поза, выражение лица, да и черная кожанка делали его похожим на чекиста. Забавно, а сам Игорь тогда белогвардейцем выходит...

Деду бы понравилось.

Хотя черта с два, Деду вся эта история очень сильно не понравится.

– Об убийстве речь идет, и убийстве умышленном, спланированном, пахнущем, нет, воняющем большими неприятностями. – Петр Васильевич многозначительно замолчал, глядя в глаза. Чего он ждет? Признания? Ну уж нет, Игорь к этому делу не имеет отношения, последний раз он видел Марту... давно.

Около года назад. Случайная встреча в кафе, лето или поздняя весна, что-то такое пыльно-горячее, пахнущее потом, который пробивается сквозь аромат туалетной воды, и бен-

зином. Кафе, кружевные зонтики на тонких алюминиевых ножках, легкая «летняя» мебель и минеральная вода в холодильнике. Он пил прямо из горлышка, жадно, отфыркиваясь от колючих пузырей углекислоты и не думая о том, как это выглядит со стороны.

– Ты так и не научился вести себя прилично. – Марта совсем не изменилась, разве что стала чуть старше, ярче, темные волосы, темные глаза, подарком солнца золотой загар. – Привет, как дела?

Он поперхнулся, закашлялся и пролил чертову минералку на рубашку. Марта засмеялась.

– О боже, только не делай вид, что удивлен... как дела? Как семейная жизнь? Дед по-прежнему строит из себя патриарха? А моя милая сестричка и ее долбанутая мамаша действуют на нервы? Хотя ладно, можешь не отвечать, ваш гадюшник мне неинтересен.

– Зачем ты это сделала? – Его только и хватило, что на этот единственный вопрос, который мучил его все пять лет.

– Что сделала? Сбежала? Да потому, что надоело играть на вторых ролях... Ольгушка то, Ольгушка се... а Марте за манерами следить надо... за языком... да задолбали они меня со своими манерами и языком. Живу, как хочу. Или ты про письмо спрашивал? Ну извини... хотелось сестрицу позлить, да и чтобы не сильно искали.

– Ну ты и...

– Сука? – лицо Марты стало злым и некрасивым. – Это ты сказать хотел? А думаешь, супруга твоя многим лучше? Ангел небесный, зазря пострадавший? Зазря ничего не бывает, Гарик... каждому воздается по делам его. Или по желаниям. Ты вот хотел богатую жену и получил... и я получила... недополучила, правда, но еще не вечер. Еще вернусь, так что готовьтесь, будет весело.

Весело. До того весело, что аж скулы от этого веселья сводит. Рассказывать о встрече или нет? В тот раз Игорь рассказал только Деду, то ли предупреждая, то ли по старой привычке оправдываясь, и даже некоторое время ждал обещанного возвращения, но Марта не появилась. А теперь выходит, что ее убили.

Кто? И почему? И самое главное, как скажется эта смерть на его, Игоря, планах.

Выйдя из кабинета, Бехтерин бросил взгляд на часы – пятьдесят минут. Господи, он проговорил пятьдесят минут, и не в состоянии вспомнить, о чем.

Левушка

Расследование оказалось делом утомительным. Если поначалу Левушка прислушивался к разговорам, пытаясь строить какие-то версии, которые тут же сам опровергал и выдвигал новые, то вскорости занятие это ему надоело. Поэтому он просто слушал, удивляясь тому, сколь различные люди собрались под одной крышей. Сначала Любаша с ее нахальством и вызывающей откровенностью, потом Игорь, здоровый, мрачный, на вопросы отвечающий неохотно... тетушка Берта с костяным веером. Сабина с жалобами на головную боль... Василий, вежливый, вальяжный и вызывающий совершенно непонятную неприязнь... Евгения Романовна с ее живой, клокочущей ненавистью к зятю...

– Ну что, устал? – поинтересовался Петр, подымаясь. – Утомительная процедура... нет, честно, не думал, что здесь столько народу. И все, как один, дружны... вот увидишь, кто-то из них и убил.

Левушка кивнул, просто потому, что сил на возражения не осталось. Голова гудела, горло, казалось, распухло так, что еще немного и затянется, закроет доступ воздуху, и тогда Левушка умрет.

– Э, да ты, гляжу, совсем расклеился. А чего молчал? Вон, красный весь, небось температура... Ничего, сейчас домой подкину, отлежишься, – пообещал Петр. – Или, может, давай в город, к врачу?

Левушка отчаянно замотал головой, врачей он не любил и, стыдно сказать, побаивался.

– Нет, ну все-таки глянь, как люди живут, домина, как замок, с деньгами тоже проблем нету, а им все мало... вот хоть на спор, из-за наследства девицу грохнули.

– Наследства? – слово острыми углами букв больно царапнуло воспаленную гортань. Левушка же попытался вспомнить, о каком наследстве речь идет. Ну да, о чем-то таком упоминали, но в голове сплошное месиво из разрозненных фактов, и непонятно, кто из обитателей дома чего говорил, и сколько в том правды.

Провожать их не вышли, и чаю не предложили, да что там чаю – воды стакана никто не принес, а ведь, почитай, большую половину дня в доме проторчали. В желудке урчит, а вот голода как такового нету, наоборот, сама мысль о еде вызывает едва ли не тошноту. Значит, температура...

В салоне машины горячо, даже душно, и пахнет полиролью, резиной и хвойной отдушкой. Левушка чихнул.

– Будь здоров. – Петр, пристегнувшись, завел двигатель, но трогаться с места не спешил. – Наследство дедово, ну сам посуди, раз старый, то помрет, через год-два... может, раньше. Прямых наследников нету? Нету. Значит, кому все деньги? Правильно, тому, кто подсуетится и подвигнет старикана завещание в его пользу накатать. Кто знает, может, эта Марта у деда своего в любимицах ходила, вот и поспешили убрать, понадеявшись, что не найдут... Нет, хорошо бы, конечно, с дедом этим поговорить, но что-то я сомневаюсь...

– В чем?

– Да во всем, – Петр вдруг ударил кулаком по рулю, и машина обиженно загудела. – Вот помяни мое слово, быть тут глухарю. Год прошел, улики никаких... только время зря тратим. И нервы. Твою ж мать... до чего я ненавижу такие дела, а?

Левушка не ответил, закрыв глаза, он думал лишь о том, как бы поскорее домой добраться... ну вот, в первый раз за все время работы с серьезным преступлением столкнулся и такое невезение...

– Слушай, у меня тут просьба к тебе... ты ж вроде как участковый, приглядишь, чего да как... может, и повезет.

Болел Левушка неделю, тяжело, с температурой, ознобом и отеками – ни сглотнуть, ни вдохнуть – горлом. И всю неделю думал об обитателях странного дома, а более-менее оправившись, купил поллитру и отправился к Федору за консультацией.

Тот Левушку встретил не особо дружелюбно, но, увидев бутылку, подобрел.

– Дачники? Откуда взялись? Ну, с Москвы, верно, – Федор предусмотрительно спрятал бутылку во внутренний карман телогрейки. – Писатели какие... или артисты. Георгий Василич толковый мужик был, образованный, а все одно простой. Значится, ихняя девка-то?

– Ихняя, – подтвердил Левушка.

– О, еще хрипишь. Давай, чаю заварю, и варенья малинового... моя-то знатно делает, а есть все одно некому...

На чай Левушка согласился охотно, тем более с вареньем.

– Они здесь лет этак пятнадцать... больше даже, я и не упомяну... болота осушили-то, а на земле поселок хотели строить, вроде как дачи... ну, перед самым развалом. – Федор поставил на стол стакан в кружевном латунном подстаканнике, литровую банку варенья, нарезанный толстыми, чуть неровными ломтями белый хлеб, потом сгреб ладонью крошки и закинул в рот, пояснив: – С детства люблю... лучше всякой конфеты.

Чай он заварил крепкий, в черноту, вязущий и горький, варенье слегка скрадывало эту горечь, мелкие малиновые косточки привычно забивались в зубы, и было так хорошо, уютно и спокойно, что Левушка почти и забыл, для чего пришел.

– Ну, а на дома денег не хватило, в общем, землю-то раздали, вроде как под участки, только многие поотказывались, – продолжил рассказ Федор.

– Почему?

– Потому, что от Москвы далеко, домов нет, одна радость, что земля, но разве ж городскому эту радость понять? Строиться самим? Приезжали какие-то фирмачи, покрутились и назад поехали. Вроде как климат у нас нездоровый, болото, комарье... а Георгий Василич вот не побоялся. Я тебе больше скажу, он еще при Союзе сюда наезжал, искал чего-то, то ли усадьбу какую-то, то ли церковь. Церковь-то у нас была, на пригорке стояла, дед мой и про усадьбу сказывал, только ее еще до революции сожгли.

Левушка слушал с интересом, и Федор, ободренный подобным вниманием, говорил, замолкая разве что для того, чтоб отхлебнуть темного – еще чернее, чем у Левушки – чаю.

– Ну и стало быть, церковь эта долго стояла, закрыть закрыли, а сносить все никак, ну школу пытались сделать, потом вроде как зернохранилище, потом клуб... ну в конце концов заколотили и бросили, это уже при мне было. А церквушка-то не из богатых, деревянная, вот и сгнила... хотя вру, когда Бехтерин впервые приехал, еще стояла, он там что-то вроде склепа отыскал, потом округу носом рыл, про усадьбу выспрашивал. А когда дом тут строить начал, заговорили недоброе, дескать, нашел в церкви клад да от государства упрятал... – Федор, поперхнувшись чаем, закашлялся, а Левушка подумал, что история с кладом может оказаться не такой уж и сказочной. Ведь бывало же, что находили! И сразу нестерпимо захотелось отыскать ту самую сгнившую ныне церковь, спуститься в подвал – а Левушка не сомневался, что в этой церкви подвал сыщется – да пошарить хорошенько, авось...

– Не знаю, сколько в том правды, врать не буду, но при Союзе Бехтерин обыкновенным мужиком был, ну как все, значит, а тут деньги на дом взялись, и не абы какой, сам небось видел.

Левушка поспешно кивнул. Видел, оценил.

– Вот чего никто понять не сподобился, так зачем он дом в нашей глуши построил, ну раз деньги есть, то мог бы и получше место выбрать... а то стоит невесть что... дача...

Сквозь плотные шторы пробивалась узкая полоска света, желтой лентой разрезающая ковер на две половины. Встать бы, раздвинуть шторы, пуская яркое зимнее солнце внутрь комнаты, и окна открыть, чтобы свежий да морозный воздух выжег, вытеснил сами запахи

болезни. Настасья задыхалась в дуином полумраке, но на то, чтобы подняться с постели, сил не было, а просьбы ее словно и не слышали.

И до чего же нелепо получилось, сначала этот обморок... из-за чего? Из-за глупого спиритического сеанса, которого Настасья толком и не помнила? Неужто на проверку она слабее Лизоньки оказалась?

Тихий скрип открываемой двери вывел из раздумий, до чего же тяжело болеть взаправду, лежишь под горячею периной, томишься испариной, и ни глоточка воздуха свежего, а домашние вокруг на цыпочках ходят, да разговаривают шепотом, будто на покойника.

– Анастаси, ты спишь? – Лизонька ступала осторожно, стараясь не производить лишнего шума, и от этой заботливости моментально вспыхнуло раздражение.

– Не сплю. – Собственный голос после болезни силый, нехороший. И прогоняя саму мысль о недуге, Настасья поспешино добавила: – Мне сегодня лучше, не шепчи. И скажи, чтоб шиторы раскрыли.

– Нельзя. Доктор велел яркого свету избегать, потому как для нервов вреден.

– Все у меня в порядке с нервами, – раздражение вырывалось наружу, придавая сил, и Настасья даже села в кровати. Мокрая рубаха неприятно облепила тело, волосы повисли черной паклей, спутанные, сбившиеся... ох до чего же, надо полагать, она дурна собой сейчас. К раздражению добавилась зависть к сестриной красоте, вот прежде зависти никогда не было, а теперь вот... и до чего Лизоньке к лицу ее наряд, и сама она вся такая... радостная, светлая, живая... и ни минуты не скучная.

– Тебе лежать надобно, отдыхать. – Сестра, присев на стул, аккуратно расправила складки на подоле платья. – Тетушка письмо прислала, за тебя беспокоится сильно. А еще Мари такую милую корзинку прислала... белые и красные розы. И от Анатоля тоже цветы были...

Тихий Лизонькин голос вкупе с нудным перечислением того, кто и какие цветы прислал, желая Настасье скорейшего выздоровления, успокаивал.

– А еще один букет пришел без карточки, матушка выкинуть велела, потому как неприлично, но письмо я забрала. Держи.

Простой конверт, толстая ломкая бумага, но прочесть написанное в этом полумраке невозможно... если к свечам поближе... буквы плывут, не желая складываться в слова, и Настасье приходится долго вглядываться, вылавливая по одной.

«Милая моя звезда, случайно узнал о Вашем недуге. В этом мире осталось не так много красоты, чтобы позволить Вам ускользнуть на небо. Умоляю, не спешите... с надеждой на новую встречу, Д.».

Настасья перечитала еще раз, потом еще... сердце в груди заколотилось, а щеки полыхнули жаром.

– Это твой амант? – поинтересовалась Лизонька. – Я не расскажу, обещаю.

– Спасибо.

Прижав ладони к щекам, Настасья попыталась унять волнение. Да Господи, что же это такое с ней твориться? Это скорее Лизоньке пристало краснеть и смущаться, получая подобные письма... или в обморок падать... или болеть. А Настасья, она же с самого раннего детства отличалась здоровьем и... и с нервами у нее все в порядке было.

Неизвестно, письмо ли стало причиной, либо же просто время недуга иссякло, но спустя две недели Настасья была если не здорова, то уж, во всяком случае, не настолько больна, чтобы не вставать с постели. Правда, выходить на улицу матушка по-прежнему не дозволяла, вот и оставалось сидеть у окна, пытаясь сквозь серо-молочную вязь морозных узоров рассмотреть двор.

От Дмитрия боле не было ни писем, ни цветов, и если бы не то, которое принесла Лизонька, впервые в жизни решившись нарушить матушкин запрет, Настасья бы решила, что странная встреча в саду ей почудилась.

– Ты стала такой... мечтательной, – Лизонька с задумчивым видом перелистывала страницы своего альбома, тяжелые листы, аккуратно вычерченные строки, акварельный рисунок, сделанный углем портрет... поклонников у сестры много. – Романтичной.

– Разве это плохо?

– Хорошо. Просто на тебя не похоже. Ой, смотри, что мне Серж написал. – И Лизонька с выражением зачитала: – «Мадемуазель Лизетт, в тот час, когда имевши счастье Вас узреть, стрела Амура пронзила сердце, и силою стихии посрамлен, страдаю безмерно, томясь надеждой лицезреть явление Психеи и Авроры». До чего мило.

– Действительно, мило. – Настасья попыталась скрыть улыбку, обижать сестру не хотелось, но вместе с тем выпренные слова показались до невозможности глупыми. Стрела Амура... Психея, Аврора... впрочем, если Лизоньке нравится, то отчего нет. Но сестра поняла, замолчала, поджав губы в немой обиде. Сидеть в тишине было тоскливо, будто ждешь чего-то, а оно не приходит. Во двор бы выйти, ощутить морозную свежесть воздуха, снега полные ладони зачерпнуть...

Резко и громко хлопнула входная дверь, впуская в дом обилие звуков: голоса, собачий лай, скрип, звон, тяжелое буханье, будто кто-то прямо в парадной гвозди заколачивать вздумал. И неправильные, неуместные в величественной тишине дома звуки моментально разрушили лед обиды.

– Батюшка приехал! – совсем уж по-девчачьи взвизгнула Лизонька и, подхватив юбки, побежала вниз.

Александра

– Дача и есть, – нервно заметила Любаша, переворачивая блин на другую сторону. – Я ж дядьку не раз и не два просила, ну на кой нам тут дом, а?

– А он?

– А он улыбнется так мерзко и про экологию заливает. Воздух чистый... ага, в этом воздухе комарья столько, что ни одно средство не спасает. И это еще только май, а в июне вообще выйти невозможно. Экология, мать его... Черт, пригорел!

Блин отправился в мусорное ведро, а сковородка – в умывальник. Любаша же, вытащив пачку сигарет, предложила:

– Будешь?

– Нет, спасибо.

– Ах да, я ж забыла, что ты не куришь... – Сама она села у окна и закурила. – Нет, ну это ж надо такой змеей уродиться! Я понимаю, что Марта ей не родная, но хотя бы из уважения к памяти Вадима Николаевича!

Нынешний Любашин гнев был вызван отказом Евгении Романовны заниматься похоронами падчерицы, отказом резким, грубым и совершенно немотивированным.

– И я тебе говорю, что дело не в той истории с письмом, – Любаша выдохнула дым через нос. – А чисто в сволочизме Евгении... вот увидишь, Дед скажет, что нельзя родственницу без погребения бросать, поручит Берте, а та на меня скинет.

Серый комок пепла, сорвавшись с тонкой дамской сигареты, полетел вниз.

– Так ведь неизвестно, когда тело отдадут. – Включив воду, я попыталась отодрать от «непригораемого» покрытия куски спекшегося теста, не столько оттого, что так уж люблю мыть посуду, сколько потому, что от вынужденного недельного безделья хотелось заняться хоть чем-нибудь.

– Но ведь когда-нибудь отдадут, – резонно заметила Любаша. – И вообще меня Евгения бесит... странно, что она тебя пока не достала.

Достала. Еще как достала. Своими регулярными напоминаниями о сделке, ненавистью к зятю и извращенным любопытством, которое требовало пересказа наших с Игорем отношений в мельчайших деталях.

А не было деталей. И отношений не было. Вежливый холод хороших манер... здравствуйте... как дела... спасибо, хорошо... прекрасная нынче погода... и в результате растущее с каждым днем раздражение Евгении Романовны...

Честное слово, если бы не Ольгушка, я бы уехала, но оставить ее одну в этом гадюшнике, где единственный более-менее вменяемый человек – одержимая страстью к кулинарии модель-неудачница? Да и ремонт в моей квартире только-только начался.

– Игорь сказал, что завтра Дед приедет, типа разбираться. – Любаша подошла к столу, взяла миску с остатками теста и раздраженно швырнула в только что вымытую мною раковину. Белое густое тесто обиженно выплеснулось наружу, выказывая возмущение чередой мелких капель на плитке.

Ну вот, придется снова мыть. Пытаясь унять раздражение, я поинтересовалась:

– В чем разбираться?

– А во всем, – ответила Любаша, поворачиваясь спиной. – Его хлебом не корми, дай в людях покопаться... кагэбист чертов.

Дед был вызывающе стар, но точно определить его возраст было невозможно, ему с равной долей вероятности могло быть и восемьдесят, и девяносто... или даже сто.

– Семьдесят восемь, – шепнула Любаша. – А помирать не собирается, старый дьявол.

И верно, было в нем что-то такое... попахивающее нечистой силой. И дело тут отнюдь не в дорогом, явно сшитом на заказ костюме, и не в элегантной трости, выглядевшей неотъемлемой частью продуманного облика, и не в дымчатых солнцезащитных очках, совершенно не вязавшихся с благообразной сединой... в манере держаться? Или во всеобщем почтении, граничащем с подобиюстрастностью?

Тем же вечером состоялся ужин, торжественно-напыщенный, оснащенный фарфором, хрусталем, матовым серебром столовых приборов и почти благоговейной тишиной. Признаться, подобная обстановка напрочь отбивала аппетит, причем не только мне. Вон Васенька вертит вилку в руке... Евгения Романовна следит за ним и прямо-таки исходит злостью, но замечание сделать не осмеливается. Любаша нервно мнет салфетку... тетушка Берта и тетушка Сабина впервые за все время не порываются начинать спор по поводу того, какого цвета гиацинты надлежит выращивать на клумбах... Игорь... с виду спокоен, хотя черт его знает. И только Ольгушка вела себя с обычной непосредственностью.

– Значит, нашли Марточку? – Голос у Деда жесткий, холодный, как стальная проволока, без старческой сипоты. – Ну, чего молчите, племя окаянное?

Шутит? Вон Васька улыбнулся, правда, улыбка чуть косоватой получилась, нервной.

– Кто ее на тот свет спровадил, а?

А вот это уже не шутка, и взгляд у Деда куда как серьезный, колющий такой, цепкий. Ох, права была Любаша – настоящий кагэбист. Вообще-то у Деда имелось имя и отчество – Иван Степанович – однако я как-то быстро привыкла к этому то ли прозвищу, то ли титулу, которым его величали Бехтерины.

– Расследованием милиция занимается, – вяло возразила тетушка Берта, поправляя шейный платок, сколотый у горла круглой брошью.

– Милиция... занимается... это да, это нужно... порядок в государстве быть должен. И в доме тоже! А тут бардак, если не бордель! – Хмурый взгляд в Любашину сторону, та покраснела и, отодвинув тарелку, попыталась встать.

– Сиди уже! – рявкнул Иван Степанович и чуть тише добавил: – Тоже мне, профессию нашла... перед мужиками голой задницей крутить... внука, называется.

– Правнучка, – ехидно добавила Любаша.

– А ты меня возрастом не попрекай, я, несмотря на годы, не в маразме... как некоторые тут думают. Одна уже доигралась, не хочу, чтоб и вторая тоже...

– Доигралась? Ну что вы, Иван Степанович, с вашей любовью ко мне я могу существовать в полной безопасности.

– На деньги намекаешь? – Дед усмехнулся. – Когда ж вы чужое делить-то перестанете, а?

Вот на Ольгушку Дед глядел ласково, и голос был такой... нежный, что ли, тихий, будто Дед опасался напугать ее.

– И давно приехала?

– Девять дней. – Она улыбнулась Ивану Степановичу светло и дружелюбно. – Мама сказала, что мы еще две недели побудем, и все, а я больше хочу, как прошлым летом, чтобы до августа. Можно?

Дед крикнул и поспешил согласиться, только уточнил:

– И подружка твоя останется?

– Да. Вы же не против?

– Конечно нет. Пусть остается, – быстрый взгляд в мою сторону, и готова спорить на что угодно, завтра же, максимум послезавтра Дедова служба безопасности – а у такого человека обязательно должна быть служба безопасности – выяснит всю мою подноготную.

– Видишь, можно. – Ольгушка повернулась ко мне, светло-карие глаза светились счастьем, да и сама она за эту неделю изменилась. И волосы не серые – пепельные, с легким золотым отливом, а кожа чистая, фарфорово-белая, чуть подсвеченная румянцем...

– Я очень хотела, чтобы Сашенька осталась. А мама была против.

Евгения Романовна поперхнулась соком, а Дед тут же поспешил поинтересоваться:

– Почему, Оленька?

– Потому, что Саша – плохая... она... – Ольгушка наморщила лоб, вспоминая слово. – Она... это... живет с мужчинами за деньги.

– П-проститутка? – чуть заикаясь, уточнила тетушка Берта.

– Содержанка. – Ольгушка повернулась ко мне. – Правильно, Саш? Ты же сама говорила, что содержанка! Или это мама говорила? Я совсем запуталась... но Саша – она хорошая... она – моя подруга.

– Интересно, – только и сумел выдать Дед.

Игорь

Еще как интересно. Просто до неприличия. Значит, белобрысая стерва – содержанка... какое милое слово, чуть отдающее минувшими веками, дамскими романами и данью приличиям. Она б еще гейшей назвалась. Или еще как, слов-то много, а суть одна. Ну теща, удружила, приволокла в дом... специально? Ну конечно, специально, для него, значит, чтобы очаровала и в постель уложила, а там, глядишь, и на развод подать можно на законных основаниях.

Смешно. И противно.

А эта ничего, сидит, спину держит прямо, побледнела чуть и... не отвернулась, выдержала взгляд, будто вызов вернула. Или пощечину... вот кому бы Игорь пощечину отвесил, так это разлюбезной Евгении Романовне за ее шутки... хотя, с другой стороны, чем не шанс? Завел бы роман, приятно провел время, а заодно и развелся бы, все желания сразу.

Но все равно противно.

– Значит, содержанка? – Дед, оправившись от шока, усмехнулся. Игорь знал эту его усмешку, обычно не предвещающую ничего хорошего. – Дама для досуга... интересная профессия.

– А это не профессия – призвание, – Александра нагло водрузила локти на стол. – Каждому по способностям.

– Неужели? Впрочем, в любом деле без способностей никуда, так стоит ли удивляться.

– Какой кошмар, – тетушка Берта, наконец, обрела дар речи. – В моем доме... за моим столом...

– Ты еще скажи, что в твоей постели, – отрезал Дед. – И что, Александра... тебя ведь Александрой зовут?

Белобрысая кивнула.

– Много заработала?

– Достаточно. Да вы не волнуйтесь, завтра я уеду...

– Зачем? – притворно удивился Дед. – Оставайся уже... отдохнешь хоть. А вообще даже не знаю, что хуже, баба, которая с мужиком за деньги живет, или баба, которая из себя мужика строит.

Это уже выпад в сторону Машки, конечно, ее за столом нету, но Игорь ни на секунду не усомнился – передадут. Дед рассмеялся, правда, смех этот скоро сменился хриплым кашлем, и Игорь впервые за очень долгое время испугался: а ведь Дед и вправду умереть может. И не в отдаленной перспективе, очерченной словами «когда-нибудь», а завтра-послезавтра, и что тогда? Жизнь без Дедовой помощи представлялась... неустроенной.

Невозможной.

Состоявшийся тем же вечером разговор только подтвердил опасения Игоря, что Деду осталось не так и много, оттого он и спешит, торопится разобраться с делами, оттого и злится, скрывая за этой злостью страх.

– Ну и захлामी же все, – пробурчал он, оглядываясь в кабинете. – Скажи Берте, чтоб убралась... или наняла кого, если сама не способна. Садись куда, потолкуем.

Сам он занял высокое кресло, обитое черной кожей, которое казалось Игорю несколько претенциозным, сам он предпочитал мебель простую и функциональную.

– Тоже думаешь, что ее кто-то из наших? Из-за денег? – Дед достал из кармана портсигар и, пододвинув солидную бронзовую пепельницу, закурил. – Противно. Не убийство, Игорь, а вот мотив... знаешь, как она умерла? Я заключение читал... руки за спиной связали и нож под ребра, а труп в болото. Еще бы пару метров и в жизни не нашли бы.

Сигареты Деда воняли крепким дешевым табаком, и запах этот удивительно точно вписывался в пыльное запустение кабинета.

– Из своих кто-то, из тех, кто в доме... оттого и тошно, что вроде как я своими собственными руками человека на преступление толкнул, а с другой стороны... ведь чего им не хватает? И знают же, что никого не обделю.

Игорь хотел было сказать, что одно дело получить по завещанию десять-двадцать тысяч долларов, и совсем другое – все Дедово имущество. Хотел, но не сказал, потому как вышло бы, что он тоже на эти деньги рассчитывает.

– Знаю, знаю, о чем думаешь. – Иван Степанович глядел вроде и мимо Игоря, и в то же время последний очень живо ощущал тяжелый раздраженный Дедов взгляд. – Ну да, чем больше имеем, тем большего хотим. Разбаловал я вас, приучил тратить, но, видно, в ком-то жадность выиграла...

– Год назад?

– Ну не год, вроде как в конце лета, – возразил Дед. – Хотя, конечно, да... с этой точки зрения нелогично. Если бы еще кто-то умер... да не гляди ты так, я ж сугубо теоретически. Так вот, за это время вполне можно было бы избавиться еще от одного наследника... но пока тихо. Или только пока?

– Думаешь...

– Предполагаю. – Иван Степанович не позволил договорить. – А если убийца хотел предотвратить некое событие, скажем, возвращение Марты?

– Конкуренция?

– Не столько. Мера предосторожности. Допустим, ей было известно нечто весьма неприглядное, о чем она бы рассказала. Или даже рассказала, что собирается рассказать, ну, понимаешь, о чем я?

Игорь понял и тут же вспомнил ту нечаянную встречу и запоздалое сожаление по поводу того, что не хватило решимости пойти следом и вытряхнуть из нее всю правду о том внезапном бегстве.

А Дед, загасив окурок, снова закашлялся, этот приступ длился почти вдвое больше первого, и Игорь хотел было позвать на помощь, но Иван Степанович знаком велел оставаться на месте, а откашлявшись, пояснил:

– Не хочу, чтоб знал кто... будут как шакалы вокруг падали кругами... и ты иди, завтра договорим... и Берте передай, пусть картины на место повесит, пусто тут без них.

Как обычно, возвращение батюшки сопровождалось шумом и веселой суетой. Тяжелые деревянные короба с почерневшими, чуть влажными от подтаявшего снега досками и блестящими шляпками гвоздей, многочисленные картонные коробки, перехваченные шелковыми лентами свертки, небрежно брошенная на пол лохматая шуба, запах мороза, дыма, табака... у Настасьи голова шла кругом.

– Совсем тут без меня... – Батюшка громко, в голос хохотал, обнимал, целовал, царапая щеки колючей щетиной. – Расцвела, красавишна ты наша...

Лизонька зарделась.

– А ты что болеть удумала? – Ладони у батюшки широкие, кожа покраснела, высохла, пошла мелкими заусеницами, и сколько себя Настасья помнила, такими они были всегда, грубыми, но надежными.

– Я ж вам подарок привез, да такой, что прям как в сказке. Ох, и до чего же хорошо дома-то... ну, рассказывайте, как вы тут без меня?

Рассказывала в основном матушка, немного Лизонька, а Настасья больше молчала, разглядывая батюшку, да удивлялась тому, что раньше не обращала внимания на то, до чего же сильно он постарел. Резкие морщины, ввалившиеся щеки и лихорадочный блеск в синих глазах. Каким-то особым, самой непонятным чувством Настасья ощущала болезнь.

Невозможно. Неправда. Просто, видать, и вправду с нервами у нее не все ладно, а батюшка здоров, да более здорового человека и сыскать нельзя, он ведь в жизни ни разу не хворал. И теперь тоже... ей просто-напросто чудится. От избытка эмоций.

Вечером, пробравшись в сестриную комнату – совсем как когда-то в детстве, Настасья шепотом поинтересовалась у Лизоньки:

– Ты ничего странного не заметила?

– Нет. Как ты думаешь, если мне из шелку платье сшить на манер китайского? Это не будет чересчур вызывающе?

На другой день Настасьины опасения окончательно развеялись, батюшка был привычно весел и охотно рассказывал о местах, в коих довелось побывать. А чуть позже, после завтрака, наступил момент, которого Настасья ждала с нетерпением и приглушенным, полудетским предвкушением грядущего праздника – разбор багажа, более напоминавший поиски сокровищ. А сокровищ было немерено, каждый сверток, каждая коробка, каждый сундук скрывал в себе вещи волшебные и удивительные.

Круглое зеркало из полированного металла, по раме дивная вязь узоров, отдаленно напоминающих те самые, вычерченные на оконных стеклах февральским морозом. Или грубая статуэтка темного камня, неуклюже-некрасивая и очаровательная в своей некрасивости. Или яркий шелк, норовящий соскользнуть с ладони, тканной водой обнимающий пальцы... браслеты и серьги... многорукое божество с головою слона... пепельница... чернильница... нефритовый шар на высеребренной подставке...

– О боже, Николай, ты снова... – с каждой находкой матушка хмурилась все больше и больше, но даже это недовольство неспособно было нарушить очарование момента. Тем паче, что к матушкиному недовольству Настасья давно уже привыкла, а вот отец расстроился, помрачнел, как-то явно и виновато.

– Оленька, прости... не думал, что столько всего.

Много, замечательно много. Фарфоровый сервиз, тяжеломерно-золоченый и торжественный, расшитый цветами и бабочками бархат, чуть попахивающий сыростью, расписанные в греческом стиле вазы... книги.

Настасья устала, не столько физически, хотя и болезнь еще давала о себе знать, сколько от всеобъемлющей радости и восторга.

– А вот тут, – отец хлопнул ладонью по плоскому ящичку, – подарок, о котором я говорил.

Внутри, заботливо укрытые плотным слоем золотой соломы, укутанные в промасленную бумагу, под которой обнаружился тройной слой жесткой холстины, лежали картины.

– «Две Мадонны» Луиджи, – провозгласил батюшка, откидывая последний слой из тонкой папиросной бумаги...

Позже, сидя в каминной зале, Настасья пыталась вспомнить, что же испытала, взглянув в темно-карие, в черноту глаза Печальной Девы, до невозможности похожей на Лизоньку... удивление? Мимолетную, быстро уходящую радость или же страх от этого противоестественного сходства? И еще оттого, что со второго портрета гневно и вместе с тем удивленно взирала на мир она сама?

А матушке картины понравились, она велела повесить их в Музыкальном салоне.

Левушка

На развалины церкви Левушка все-таки отправился, вот разумом понимал, что если и были какие сокровища, то уже давно нашли себе хозяев. Но ведь тянуло же, грызло, мучило во снах желание поглядеть – всего-навсего поглядеть на место, где некогда лежал самый настоящий клад.

Поглядел. На густые заросли сныти, кое-где украшенные белыми зонтиками цветов, на темные взъерошенные листья жгучей крапивы, на влажную, комковатую землю с грязно-коричневыми бусинками улиточных раковин. И серый, подпорченный мхом да лишайником валун. Верно, если забраться в заросли, за высоченную крапивно-снытевую стену, укрепленную гибкими колючими побегами ежевики, можно было бы отыскать... еще один камень? Или два? Вырытую в земле яму?

Вот Левушка и стоял, не решаясь ни двинуться вперед, ни повернуть назад.

– Здравсте, – окликнули его сзади. Обернувшись, он увидел ту самую, длинную и худую девушку, которая то ли была моделью, то ли хотела ею стать. Как же ее зовут-то? Люба? Кажется, да.

– Добрый день, – Левушка решил с именем не торопиться, а вдруг все-таки не Люба, а Лена... хотя нет, Лены вроде не было.

– Местными красотами любуетесь или по делу? – поинтересовалась девушка. – Как исследование продвигается?

– Н-нормально.

– Это значит, что никак. Или вы просто не в курсе? Хотя ладно, не хотите говорить и не надо, все равно никого не найдете... – Она сбросила на траву объемный рюкзак и, расстегнув замок, принялась копаться в содержимом.

Левушка чувствовал себя крайне неудобно, с одной стороны, следовало воспользоваться удобным моментом и попрощаться с девушкой, с другой – любопытство мешало уйти. Даже не столько любопытство, сколько ущемленная ее небрежным тоном гордость.

То ли Люба, то ли Лена вытащила из рюкзака платок, перчатки и саперную лопату. Неужто...

– Что, про клад уже слышали? – усмехнулась она, демонстрируя крупные ровные зубы. – Давайте, спрашивайте, чего хотите... или катитесь к чертовой матери.

– С какой это стати?

– А с какой это стати вы позволяете себе столь нагло меня разглядывать? Домогаетесь?

– Н-нет. – Левушка совершенно растерялся, его прежде никогда не обвиняли в домогательствах, тем более, к такой... да она ж на полголовы выше и тощая, будто селедка, вон, спортивная куртка висит, точно на пугале в тетя-Валином огороде, и ноги как две палки, а лицо косявое, некрасивое.

– Да ладно, шучу. Но если хочешь чего спросить, спрашивай, – девушка легко перешла на «ты». – Извини, шутки у меня дурацкие, просто настроение ни к черту... а ты участковый наш, верно?

– Верно.

– Смешной. Нет, не в том плане смешной, чтобы посмеяться, а необычный скорее... без обид?

– Без обид. А... ты туда лезть собираешься? – Вопрос вырвался непроизвольно, и Левушке моментально стало стыдно. Ох, права мама, не ту он профессию выбрал...

– Собираюсь, – девушка присела на траву, нимало не заботясь о том, что на джинсах останутся грязные пятна давленной травы. – А что, помочь хочешь?

Продираться сквозь заросли было интересно, нет, в одиночку Левушка в жизни не решился бы на подобный подвиг, но не отставать же от дамы.

– Хобби у меня такое, – пояснила Любаша. Ох и шло же ей это имя, в котором Левушке чудилась казачья лихость и почти разбойничья страсть ко всему запретному. Это он сам так придумал и тут же застеснялся собственных мыслей.

– Если по фундаменту, то план восстановить можно будет, и не церковь тут была, а усадьба. Точнее, церковь, она как бы при усадьбе была, а потом та сгорела, ну и восстановили отчего-то лишь церквушку, может, чтобы местным было где молиться, может, просто обгорела не сильно и дешевле было восстановить, чем новую строить. Меня впервые сюда дядька привел, Георгий Васильевич, он археологом был, историком...

Любаша легко переступала через колючие плети ежевики, отводила жгучие стебли крапивы руками, а на сныть и вовсе внимания не обращала. Левушка же ступал осторожно, но несмотря на это спотыкался, раздирая ладони, а на коже то и дело вспухали новые и новые крапивные следы.

– А клад был. Честное слово, был! – Любаша обернулась. – Правда, Дед сказал, что ценности он не имел, ну, с денежной точки зрения, только я не верю. Согласись, что абы какую вещь прятать не станут, да и лет им почти под триста... даже больше, чем триста.

– Кому «им»? – уточнил Левушка, раздвигая темно-зеленые, прогретые солнцем, листья.

– Картинам, – Любаша остановилась в центре небольшой полянки, сбросила рюкзак и, сев на землю, закурила. – Нет, как бы совсем точно я не знаю, купил их Дед или и вправду дядя нашел... конечно, тетушка Берта уверена, что нашел, оттого и не любит говорить, это ж преступление, если клад нашел и не сообщил?

Левушка кивнул, присаживаясь рядом. Трава была холодной и немного мокрой, с редкими каплями одуванчиков, полусгнившим прошлогодним листом, с коричневыми жилками-костями и тонкой паутиной сухожилий... или у листьев не бывает сухожилий?

– Но ведь если времени много прошло, то уже не заберут? Дед на этих картинах свихнулся, точнее, сначала дядя, а потом уже Дед, и шагу ступить не может, с собой вечно таскает. Ну, конечно, когда за границу едет, то в доме оставляет, а если по России... и вчера вон привез, повесить приказал, будто без картин этих заняться больше нечем. – Любаша раздраженно дернула плечом.

– Так что за картины-то?

– Мадонны... Дед называет их Мадоннами, но в классическом смысле это скорее портреты, чем иконы. Середина семнадцатого века, мастер Луиджи из Тосканы, предположительно изображены дочери барона де Сильверо, Беатриче и Катарина, но насколько верно... понимаешь, об этих картинах вообще ничего не известно, ни у нас, ни в Италии. Ну будто и не существовало такого художника!

– Если бы не существовало, то и картин бы не было, – заметил Левушка. По гибкому мостику из травинки важно и медленно ползла божья коровка, желтый панцирь надкрыльев щеголял черными точками.

Любаша с ответом не спешила, тонкая сигарета медленно тлела, и запах дыма смешивался с многочисленными весенне-травяными ароматами.

– С одной стороны, вроде бы правильно, если есть картина, то и художник быть должен. С другой... он гением был, понимаешь? Хотя нет, что ты можешь понять, если не видел... не Леонардо, не Микеланджело, не Дюрер... гениальность в том, чтобы быть самим собой. У него получилось, особая техника, цвета, манера, само то, как ему удалось передать не столько внешность, сколько характеры... да если бы существовал такой Луиджи из Тосканы, его всенепременно заметили бы. Ну не мог же он написать лишь две картины?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Скорее у себя. И еще, куча вопросов: как они в России оказались? Кто привез? Когда? И почему спрятал в доме?

– Революция...

– Революция случилась в семнадцатом году, в тысяча девятьсот семнадцатом, а дом сгорел в конце девятнадцатого века. И не просто так сгорел, а был подожжен хозяйкой поместья... это дядя так говорил. – Докурив, Любаша легла на траву. – Он же не просто так сюда приехал. Предки по матери здесь жили... то ли письма остались, то ли дневники. Или просто легенды... документов я не видела, Дед не позволил, сказал, что не моего ума дело.

– Почему? – Левушке тоже хотелось растянуться, закинуть руки за голову и, разглядывая небо, разговаривать. Но не решался, потому как выглядело бы подобное поведение мальчишеством, а он и так смешной, точнее, забавный.

– Не знаю. У Деда собственные представления о том, как надо жить. А тебе и вправду интересно или для дела спрашиваешь?

– Интересно... а почему для дела? При чем тут картины?

– Ну, если Марта – это Темная Дева, а Ольгушка – Светлая... хотя она не очень похожа, но дядя считал, что вопрос внешности второстепенен, но по-моему, он просто пытался впихнуть действительность в рамки легенды. Хотя зачем, непонятно... ладно бы легенда добрая была, а то жуть с кровью пополам.

– Расскажешь?

– А то... – Любаша сорвала травинку и, намотав на палец, протянула руку. – Кольцо, почти обручальное... в детстве все намного проще и золото ни к чему. В общем, если по легенде, то были две сестры, одна вышла замуж, а у второй не получилось, вот и жила в доме на правах бедной родственницы, красива была, наверное, если супруг начал на нее заглядываться...

– Бывает, – заметил Левушка, просто, чтобы в разговоре поучаствовать.

– Ага, бывает. Что раньше, что теперь... только эта сестра потом взяла и любовника своего зарезала, но поскольку была сумасшедшей, то ее не казнили, а заперли в психушке. Вторая же с ума сошла и дом подпалила. Вот такая красивая легенда. Ах да, забыла одну деталь, вроде бы как сестры эти точь-в-точь Мадоннами Луиджи были, одна Светлой, другая Темной. Ну и как тебе история?

– По-моему, мерзкая.

– По-моему, тоже, – Любаша поднялась. – И я тетку понимаю, картины эти... ну не должны они в доме висеть, в музее – еще быть может, а в доме... зло в них, думай обо мне, что хочешь, но Мартиным трупом дело не закончится.

– И кто следующий?

– Ольгушка... Игорь... Васька... или я. Думаешь, шучу? Да какие тут шутки... живешь, как на войне. Родственнички в лицо улыбаются, а за спиной обсуждают... возомнила себя красавицей, а морда кобыля. Что, не так?

– Не так. Ты не кобыла, ты очень красивая... – Левушка запнулся, чувствуя, что краснеет. Ну вот, договорился, дорасспрашивал.

– Спасибо, – ответила Любаша. – Слушай... а можно, я к тебе в гости приду?

– З-зачем?

– Просто так. Ну не могу я больше в этом гадюшнике, пусть они пока на Сашке потренируются зубы точить, а я у тебя посижу... поговорим о чем-нибудь... мне просто некуда больше. Так ты не против?

– Нет. – Левушка поднялся и, спрятав разукрашенные волдырями руки за спину, поспешил дать согласие. – Конечно приходи... чаю попьем. У меня варенье малиновое есть.

– Все-таки ты забавный...

Александра

Нельзя сказать, чтобы ко мне стали относиться хуже, Бехтерины держались с той ледяной вежливостью, которая создает куда более непреодолимую дистанцию для контакта, чем открытая неприязнь. Впрочем, на семейство в целом мне было глубоко наплевать, Ольгушка же сохранила наивно-дружеское отношение, которое, впрочем, раздражало меня.

Нет, я понимала, что в случившемся нет ее вины, но... противно существовать в выверенно-манерном мире, понимая, что за всей этой вежливостью скрывается презрение. Если не хуже... завтра-послезавтра уеду. С самого начала ведь было понятно, что затея Евгении Романовны обречена на провал, а значит...

– Александра, Иван Степанович изъявил желание поговорить с вами. – На лице тети Берты застыло удивленное выражение. – Он... просил, чтобы вы подошли в кабинет. Пожалуйста.

Ох, как нелегко далось ей это «пожалуйста», выщипанные брови возмущенно сошлись на переносице, а губы растянулись в приторно-вежливой улыбке.

Интересно, что ему надо... хотя, понятно, хочет в вежливой форме предложить мне уехать.

Кабинет поражал размерами и захламенностью. Отодвинутые в сторону гардины пропускали внутрь комнаты солнечный свет, который желтыми полосами растекался по полу, обрисовывая царапины на паркете, а воздух наполнял дрожащим золотисто-живым маревом.

– Утро доброе. – Дед сидел в кресле. На нем все тот же черный костюм, несколько неуместный в сельской обстановке, а трость прислонена к креслу – можно рассмотреть высеребранный набалдашник в форме птичьей головы.

– Доброе. – Признаться, в этом пыльно-книжном царстве я ощущала себя несколько неуютно. А глаза у Ивана Степановича карие, в черноту, смотрит, ну точно оценивает...

Не дожидаясь приглашения, уселась в кресло напротив Деда, тот усмехнулся и заметил:

– А ты смелая.

– Некоторые считают это наглостью.

– Смелость – это когда свои права отстаиваешь, а наглость – когда чужие себе забрать хочешь, – пояснил Иван Степанович. – Куришь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.